

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

**X САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ:
ПОСТМОДЕРНИЗМ. ПОСТ-КАПИТАЛИЗМ.
ПОСТ-ПРАВДА (МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ)**

**Материалы Международной междисциплинарной
научно-образовательной конференции**

Казань, 17–18 ноября 2023 г.

**КАЗАНЬ
2024**

**KAZAN FEDERAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SCIENCES
AND MASS COMMUNICATION
ACADEMY OF SCIENCES OF REPUBLIC OF TATARSTAN
TATARSTAN BRANCH
OF THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL SOCIETY**

**X SADYKOV READINGS. MODERNITY:
POSTMODERNISM. POST-CAPITALISM.
POST-TRUTH (UNIOR SECTION)**

**Materials of the International Interdisciplinary
Scientific and Educational Conference**

Kazan, November 17–18, 2023

**KAZAN
2024**

УДК 13
ББК 87
Д37

*Печатается по решению Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Редакторская группа:
**Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов,
Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова**

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор **В.И. Курашов;**
доктор философских наук, доцент **С.Ф. Нагуманова**

Д37 **Х Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда (молодежная секция):** материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, Г.В. Мелихова, Ф.Ф. Серебрякова, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатуновой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 80 с.

Материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции «Х Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда» включают доклады молодых исследователей по проблемам развития современного общества и человека. Особое внимание авторы уделили анализу современных социально-экономических и информационных реалий, а также философских позиций современных мыслителей.

Предназначено для преподавателей, бакалавров, магистрантов и аспирантов, для всех, кто интересуется проблемами современной социальной философии, философской антропологии, эпистемологии социальности.

УДК 13
ББК 87

**UDC 13
LBC 87
D37**

*Published by decision of the Academic Council
of the Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications
of the Kazan (Volga Region) Federal University*

Editorial team:

**G.K. Gizatova, O.G. Ivanova, G.V. Melikhov,
F.F. Serebryakov, N.A. Tereshchenko, T.M. Shatunova**

Reviewers:

Doctor of Philosophy, Professor **V.I. Kurashov**;
Doctor of Philosophy, Associate Professor **S.F. Nagumanova**

**X Sadykov readings. Modernity: Postmodernism. Post-
D37 capitalism. Post-truth (unior section):** Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific and Educational Conference (Kazan, November 17–18, 2023) / ed. by G.K. Gizatova, O.G. Ivanova, G.V. Melikhov, F.F. Serebryakov, N.A. Tereshchenko, T.M. Shatunova. – Kazan: Kazan University Publishing House, 2024. – 82 p.

Materials of the International Interdisciplinary Scientific and Educational Conference “X Sadykov Readings. Modernity: Postmodernism. Post-capitalism. Post-truth” include reports by young researchers on the development’ problems of modern society and human. The authors paid special attention to the analysis of modern socio-economic and information realities, as well as to the philosophical positions of modern thinkers.

For teachers, bachelors, masters and graduate students, for everyone interested in the problems of modern social philosophy, philosophical anthropology, epistemology of sociality.

**UDC 13
LBC 87**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимиров Д.С.</i> Явленность языка: глобальность и локальность.....	6
<i>Гордюков А.А.</i> Антропологический срез феномена негативности цифрового общества.....	13
<i>Григорьев С.С.</i> Что значит быть собой.....	22
<i>Долинер М.Г.</i> Утилитарное и естественно-правовое понимание либертарианства: проблема взаимодействия.....	29
<i>Зимин В.В.</i> К определению эпохи и (пост)субъекта: язык и его утрата.....	35
<i>Камальдинов К.Р.</i> Как нас учат привыкать к «умиранию».....	42
<i>Кочеткова А.В.</i> «Самость» и ее отсутствие.....	50
<i>Мубаракшин А.И.</i> Символическая переборка и небытие.....	57
<i>Мункуев Д.Э.</i> Капиталистический реализм Марка Фишера.....	63
<i>Петросов Д.М.</i> Конспектирование как средство исследования метода.....	70
<i>Шакиров И.А.</i> Несуществующие объекты в аналитической философии.....	77

**ЯВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКА:
ГЛОБАЛЬНОСТЬ И ЛОКАЛЬНОСТЬ**

*Владимиров Дмитрий Сергеевич,
бакалавр лингвистики, магистрант,
Удмуртский государственный университет,
e-mail: solitarybird545@gmail.com
г. Ижевск*

Аннотация

Только человек начал говорить – мир стал полидискурсивным. Но в современном мире появился Интернет, где человек может за доли секунды перейти из одного языкового топоса в другой; поэтому в эпоху Интернета особенно актуально звучит вопрос об ориентировании в этом полидискурсивном пространстве. Есть, к примеру, такой способ ориентирования – здравый смысл. Однако «здравомыслие» вряд ли будет считаться ориентированием, так как не происходит движения из одного места в другое: все ограничено одним языковым топосом. То же можно сказать и про другой способ ориентирования – создание нейтрального языка; здесь происходит попытка попасть в не-место, т. е. в такую точку, из которой можно «идти» в любой языковой топос. Однако не-место оказывается таким же топосом. Подлинным же не-местом является точка зрения исследователя, т. е. точка тождества объективного и субъективного, которая и позволяет осуществлять ориентирование в полидискурсивном пространстве.

Ключевые слова: логика, смысл, дискурс, точка зрения, топос, не-место.

MANIFESTATION OF LANGUAGE: GLOBALITY AND LOCALITY

*Vladimirov Dmitry,
Bachelor of Linguistics, Master student,
Udmurt State University,
Izhevsk*

Abstract

As soon as man began to speak, the world became polydiscursive, but in the modern world the Internet appeared, and now a person can move from one language topos to another in a fraction of a second; therefore, in the Internet era, the question of orientation in this polydiscursive space is especially relevant. There is, for example, such a way of orientation – common sense; however, “sanity” is unlikely to be considered orientation, because there is no movement from one place to another: everything is limited to one language topos. The same can be said about another way of orientation – the creation of a neutral language; here there is an attempt to get to a non-place, i.e. to a point from which one can “go” to any language topos; however, the non-place turns out to be language topos. The true non-place is the researcher’s point of view, i.e. the point of identity of the objective and the subjective; this point is where the true orientation in a polydiscursive space begins.

Keywords: logic, sense, discourse, point of view, topos, non-place

В реалиях современного мира человек обнаруживает себя в полидискурсивном пространстве. Хотя эта ситуация существовала всегда (как минимум с Античности), современная эпоха все же сильно отличается от предыдущих: благодаря Интернету человек может вступить в разговор с самыми разными дискурсами, включая прямо враждующие. По сравнению с древними греками, которые обнаруживали себя в природном пространстве и начинали вслушиваться в смыслы природы, современный человек, замечал Р. Барт еще тогда,

когда не было Интернета, обнаруживает себя в культурном (социальном) пространстве, где «все, что дано человеку, уже пропитано человеческим началом»; и он тоже вслушивается в смыслы, теперь уже культурные, но слышит «вибрацию <...> гигантской машины», то есть человечества, «находяще[гося] в процессе неустанного созидания смысла» [1, с. 259–260]. Сейчас слова о «гигантской машине» звучат еще актуальнее: через Интернет мы получаем молниеносный доступ к различным текстам; и в этом потоке нам, естественно, хочется сориентироваться, хочется во всем этом многообразии разобраться. Так что же мы можем предпринять? В быту мы ориентируемся на смекалку или, другими словами, на здравый смысл; может, и здесь, в полидискурсивном пространстве, нам поможет сориентироваться здравый смысл?

Прежде чем разобраться с вопросом, поможет ли здравый смысл (с)ориентироваться в полидискурсивном пространстве, необходимо понять, что значит ориентироваться? А это значит мыслить или, выражаясь бытовым языком, «понимать, что к чему». Стало быть, мы начали говорить о мышлении. И в этой связи примечательно замечание М.К. Мамардашвили: «То, что называется мыслью <...> имеет место»; соответственно, «есть места, где можно мыслить и есть места, где мыслить нельзя»: нельзя мыслить, к примеру, в очереди или на митинге; «а ведь можно устроить хронический и всеобщий митинг, охватывающий все пространство и время» [2, с. 684]. При этом мышление можно сравнить с любовью: и то, и другое – это уникальные события; то есть о любви, например, можно прочесть тысячи книг, но при этом так и не понять, что же такое любовь, потому что познать любовь мы можем только сами, только «через себя»; стало быть, и мышление «производится только каждым отдельно в труде его собственной жизни», это «уникальный единичный акт» [2, с. 715–716].

Таким образом, мышление имеет место; в этом месте оно себя предъявляет; местом этим является языковой топос (дискурс), поскольку «речь любого субъекта с неизбежностью входит в тот или иной социолект [т. е. дискурс]» [3, с. 527]. Дискурс задает правила

(логику): как только мы говорим в пространстве одного из дискурсов, то попадаем в рамки языковых структур, использование которых требует данный дискурс, а также навязываем эти структуры другим, нас слушающим [4, с. 549]. Дискурсы, согласно Р. Барту, делятся на две группы: энкратические (внутривластные) и акратические (вневластные). «Энкратический дискурс согласуется с *доксой* [т. е. с «расхожим общим мнением»], подчиняется ее кодам, составляющим структурирующие линии ее идеологии, акратический же дискурс в своих высказываниях всегда в той или иной мере направлен против *доксы*, этот дискурс в любых своих видах всегда *пара-доксален*» [3, с. 529].

Здравый смысл, стало быть, – это выражение энкратического дискурса; а поскольку «всякий язык [т. е. дискурс] есть не что иное, как воинствующий *топос*» [5, с. 484], здравый смысл не поможет нам ориентироваться в полидискурсивном пространстве: он лишь агрессивно обозначит свои пределы и отсечет все, что находится вне его. А вне его находится акратический дискурс, который также яростно себя огораживает; причем борьба за власть и того, и другого дискурса ведется в современном мире за глобальное пространство. В предисловии к своей книге «Текучесть современности» Ж. Бауман замечает, что разговор о постмодернизме обусловлен тем фактом, что «власть может перемещаться со скоростью электронного сигнала», поэтому власть приобретает экстерриториальный характер: для управляющего больше не имеет значения, где он пространственно расположен, так как он может отдавать распоряжения из любой точки мира [6, с. 17]. Дискурс, таким образом, стремится к глобальному языковому топосу, но мышление, как мы выяснили, – это уникальный единичный акт; т. е. мышление всегда локально: оно не уместается в дискурсивные рамки, которые оказываются для него всегда недостаточными: мышление всегда «больше» тех структур, в которых оно себя предъявляет. Что же делать? Ведь получается, что глобальность дискурса не дает локальному мышлению полностью осуществиться. Может, получится сконструировать такой нейтральный дискурс, который позволит не сдавливающе предъявлять локальность мышления? Без дискурса-то

мы не можем обойтись: нам нужны рамки (логика), благодаря которым и становится возможной коммуникация, потому что без рамок мышления (смысла) Другого оказывается слишком «много»: мы тонем в этом обилии, и коммуникации не происходит.

Наглядной метафорой такого нейтрального языка, который позволяет взаимодействовать людям по всему миру, является пиктографический язык «не-мест», т. е. «аэропорт[ов], автостра[д], анонимны[х] гостиничны[х] номер[ов], общественн[ого] транспорт[а]» и т. д. [6, с. 112]. Но: «какими бы ни были их [посетителей не-мест] различия, они вынуждены следовать одним и тем же паттернам поведенческих намеков: сигналы, вызывающие неизменный паттерн поведения, должны быть понятны всем „путникам“ независимо от языков, которые они предпочитают или привыкли использовать в своих повседневных делах» [6, с. 112]. Стало быть, ограничения здесь еще жестче: не-место тоже оказывается местом, которое воинственно защищает свою не-местность. Применительно к дискурсу об этом писал Р. Барт, когда говорил о «нулевой степени» дискурсов: «нет ничего более обманчивого, нежели белое письмо; с момента своего возникновения оно начинает вырабатывать автоматические приемы именно там, где прежде расцветала его свобода; окаменевшие формы со всех сторон обступают и теснят слово в его первородной непосредственности, и на месте языка, не поддающегося никаким готовым определениям, вновь вырастает письмо [т. е. дискурс или языковой топос]» [7, с. 106].

Создание нейтрального языка, таким образом, ничего не решает, потому что общий языковой топос остается местом, т. е. определенным дискусом, который, быть может, мешает коммуникации (мышлению) еще больше всякого другого дискурса. Здесь необходимо вернуться к тому, что мышление имеет место. Стало быть, в своей локальности оно уже ограничено, не говоря о глобальности дискурса: идиолект уже является топосом, пусть и уникальным; получается, что никуда от топологичности не уйти: надо признать, что коммуникация неизбежно осуществляется в каком-либо месте. Необходимо вернуть-

ся к стремлению ориентироваться в полидискурсивном пространстве; ориентирование подразумевает свободную процессуальность, которая сама по себе а-топична.

Здесь мы переходим к смыслу, поэтому необходимо сделать уточнение. И.П. Смирнов, говоря, в каком русле он будет вести разговор о смысле, выделяет в философской традиции две тенденции различения смысла и значения: первая «идет» «от значений», т. е. кладет во главу угла объекты, проверяя ими высказывания о мире»; иными словами, первая тенденция основывается на процессе референции; «точка отсчета второй [тенденции] – созидательный субъект»; иными словами, вторая тенденция основывается на процессе творчества [8, с. 8–9]. Созидательный субъект – это бесконечная процессуальность мышления; продуцируемый смысл тоже бесконечен; таким образом, проблема формулируется следующим образом: как осуществляется предъявление смысла в дискурсивных (логических) структурах? Согласно Ф. Шеллингу, «всякое знание основано на совпадении объективного и субъективного» [9, с. 232], поэтому исходной точкой конструирования структур знания является субъект-объектное тождество или точка зрения: «точка не имеет ни центра, ни краев, а значит, [она] неограниченна, неопределенна и бесконечна»; т. е. она а-топична; при этом «положение точки всегда определено и всегда можно указать, где есть точка, а где ее уже нет»; т. е. она может обнаружить себя в определенном месте [10, с. 10]. Подлинным не-местом, таким образом, является точка зрения, которая обнаруживает себя в различных местах, но сама местом не является, что и позволяет смыслу непрерывно через нее течь.

Итак, преодолеть дискурс невозможно: само это преодоление становится дискурсом, снова возникают границы – языковые правила; т. е. преодолеть парадоксальность языка («институционализацию субъективности») не получится [11, с. 141]. Для того чтобы ориентироваться в полидискурсивном пространстве, необходимо обнаружить себя в точке, через которую будет происходить о-смысление различных логических структур; это о-смысление есть, в сущности, чтение

Гипертекста. Этого читателя Р. Барт называет Скриптором: «в его [Скриптора] власти только смешивать разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них» [12, с. 388]. Скриптор, который через точку зрения пропускает и тем самым о-смысляет различные знаниевые (логические) структуры, и есть тот, кто ориентируется в полидискурсивном пространстве.

Литература

1. *Барт, Р.* Структурализм как деятельность / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 253–261.

2. *Мамардашвили, М.К.* Беседы о мышлении. Тбилиси, 1988 / М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – С. 665–724.

3. *Барт, Р.* Разделение языков / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика – М.: Прогресс, 1989. – С. 519–534.

4. *Барт, Р.* Лекция / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 545–573.

5. *Барт, Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 462–518.

6. *Бауман, З.* Текущая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

7. *Барт, Р.* Нулевая степень письма / Р. Барт // Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 51–114.

8. *Смирнов, И.П.* Превращения смысла / И.П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 304 с.

9. *Шеллинг, Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма / Ф.В.Й. Шеллинг // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. / Ф.В.Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 227–489.

10. *Бушмакина, О.Н.* Язык и бытие: проблемы структурирования / О.Н. Бушмакина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 123 с.

11. *Барт, Р.* Писатели и пишущие / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 133–141.

12. *Барт, Р.* Смерть автора / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.

УДК 1:304.2

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ ФЕНОМЕНА НЕГАТИВНОСТИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

*Гордюков Артем Александрович,
магистрант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
email: gordart99@mail.ru
г. Казань*

Аннотация

В данной статье мы рассматриваем феномены проявления негативистского контента в интернет-среде. Показан исторический аспект отношения к ненависти в архаичном обществе. Дано собственное определение ненависти и градация его аспектов в интернет-среде. Дано объяснение феномена противоречивого контента в интернет-среде и его применение в политическом измерении виртуального и реального миров. Показаны примеры кансел- и аутрейдж-культур как современных трансляторов ненависти. Высказано мнение о позитивных аспектах онлайн-негативности.

Ключевые слова: негативность, политика, дискурс, информационное пространство, Интернет, ненависть, противоречивость

ANTROPOLOGICAL ASPECT OF ONLINE NEGATIVITY

Gordyukov Artyom,

Master student,

Kazan (Volga Region) Federal University,

e-mail: gordart99@mail.ru,

Kazan

Abstract

In this article we consider the phenomena of negativistic content in the online space. Shown a historical aspect of the attitude towards hatred in an archaic society. Given new definition of hatred and its gradation in various aspects in Internet environment. Given the example of controversial content in the virtual space and its application to the political dimension of the offline and online spheres. Shown an examples of cancel and outrage cultures as modern iterations of hatred. Expressed an opinion about the positive aspects of online negativity.

Keywords: negativity, politics, discourse, virtual space, internet, hatred, controversy.

Мы все когда-нибудь в нашей жизни слышали выражение «негативность продается». Этот трюизм покоится на положении о том, что продукт или услуга в цифровую эпоху статистически генерируют большой ажиотаж в том случае, если они подвергаются негативной критике, либо же сами выступают в оппозиции какому-либо явлению. Конечно, цифровая эпоха не ответственна за популяризацию негативного контента в современном мире – феномены «желтой прессы» и «черного пиара» существовали задолго до возникновения Интернета, однако они были ограничены лишь небольшой сферой журналистики, и большая часть населения избегала прямого контакта с негативным эртертейментом. Технологии создают новые формы негативности и дигитальная сфера отличается от предыдущих воплощений феномена прежде всего охватом – формируются целые ин-

дустрии для производства негативности, а также целью: если негативный контент потребительской эпохи был предназначен для того, чтобы шокировать потребителя, то цифровая эпоха направлена на генерацию ненависти, суть которой мы раскроем позднее. Самое простое объяснение данного явления может быть раскрыто через «генерацию кликов» и максимизацию прибыли через рекламодателей, но подобное объяснение раскрывает лишь экономическую сторону феномена и неспособно объяснить неодолимую тягу современного человека к подобному виду досуга, особенно учитывая тенденцию наших предков выводить негативность вовне. Если мы обратимся к истории, то можем проследить паттерн, что люди древности пытались «изгнать» ненависть из цивилизованного общества [1, с. 170–172], избавляясь от нее как с помощью социальных санкций, так и легальных. Буддисты и античные стоики выводили искоренение ненависти в абсолют, поскольку ненависть принципиально противоречит освобождению. Идея освобождения от ненависти прочно устоялась в нашей культуре, но, несмотря на это, ненависти не стало меньше, она стала более управляемой – к XXI веку мы научились не только управлять гневом, но и извлекать из этого прибыль. Однако чисто экономическое объяснение современного капитализма не объясняет, почему для человека цифровой эпохи настолько привлекателен заведомо агрессивный способ взаимодействия с медиа.

Прежде всего мы рассмотрим градацию применения понятия ненависти. Несмотря на явную тяжесть данного термина, далеко не все воплощения феномена ненависти несут эмоционально наполненную деструкцию. Наиболее показательным примером здесь является негативный обзор фильма на Ютубе – ненависть здесь является комедийным элементом, служащим для сплочения зрителей перед мониторами, а не направленным действием против врага. Второй, более традиционный вариант негативности имеет куда меньшее влияние в интернет-культуре: выражение открытой ненависти отражает уязвимость ненавидящего и поэтому даже очевидные хейт-компании зачастую смешиваются с или маскируются под комедийную иронию.

Постмодернистская отстраненность выходит на передний план в цифровой культуре – искреннее наслаждение или поддержка являются, как и открытая ненависть, эмоционально и концептуально уязвимыми, в то время как ироничное не-наслаждение создает эмоциональный комфорт в противоречивом потоке разнонаправленной информации, где постоянно высказываются мнения о том, что нам любить и что нам ненавидеть. Ироничное и полуироничное наслаждение медиа прорастают в этой среде, но изначальным толчком тем не менее является негативность, на основе которой и выстраиваются дальнейшие модификации. В связи с этим совершенно неувидителен парадоксальный факт, что для искреннего наслаждения человеку зачастую требуется пройти (и отвергнуть) все стадии негативного наслаждения. Тем не менее обожание и ненависть все еще имеют свое место, они все еще выгодны для привлечения к себе внимания и генерации кликов. Что современному контенту не выгодно – то это быть просто «окей», быть не вызывающим, не грандиозным, не ужасным, непротиворечивым.

Controversial (противоречивый) – это слово, значение которого трансформировалось весьма интересным образом в последнее десятилетие. В нынешнем социополитическом климате противоречие воспринимается как нечто выбивающееся из поля допустимой презентации себя, но зачастую не в смысле инородности или нечестивости, а как некая тень негативности. Этические качества отходят на второй план: важен не столько посыл, сколько само внимание, поскольку именно охват внимания в эпоху массовых коммуникаций генерирует поддержку и профит, а не рациональный аргумент или умелая пропаганда, которые имеют лишь поддерживающую роль. В сегодняшнем мире черная марка противоречивости означает две вещи: 1) многие люди и компании будут избегать сотрудничества из-за риска «очерниться» самим; 2) с другой стороны – сам онлайн-дискурс будет наполнен ненавистью, тем самым подогревая интерес. Далеко не всякая публичная персона или компания предпочтет подобное внимание, однако, если есть надежная стратегия, как капитализиро-

вать на негативном дискурсе, то есть высокий шанс того, чтобы обратить негативность в профит. Хорошим примером баланса провокации агрессии служат заголовки интернет-сми [2], где вызывающий заголовок подогревает интерес к более адекватной статье. Противоречивому субъекту даже необязательно восприниматься всерьез – сам факт их присутствия привлекает огромное внимание. Также важно понимать, что ни одна инстанция противоречивости не существует изолированно: она, как и сам Интернет, имеет сетевую структуру, она распространяется через алгоритмы, ассоциации и таргетинг [3]. Скандал с участием знаменитости может вести к критике медиа, социальному дискурсу, обсуждению экономической ситуации и политической повестке. Целые индустрии ориентируются на этот аспект современной культуры, специально производя противоречивые продукты медиа. Любой предмет искусства должен так или иначе сталкивать человека с чем-то новым, и, зачастую, деятели искусства применяют шокирующий подход для изменения перспективы зрителя. Поэтому довольно часто трудно сказать, что медиаобъект служит некому художественному умыслу, включая в себя шокирующий или политически нагруженный аспект, либо же это лишь циничная попытка привлечь как можно больше внимания [4]. Медиакритика может помочь нам пролить свет на их намерения, но интент в конце концов не столь важен, поскольку вся культура пропитана противоречивостью и ее намеренное избегание показывает лишь малодушие субъекта, а не приверженность высоким моральным принципам. Противоречивость столь же неизбежна, как экономические реалии нашей жизни, она всегда присутствовала в культуре и была возведена на пьедестал эпохой массовых коммуникаций. Рациональный аргумент не поможет против нее, поскольку будет ею поглощен. Поэтому остается лишь принять противоречивость как данность и при возможности использовать ее во благо. И политическая сфера довольно быстро вклинилась в современные тенденции.

Политическая повестка всегда была неприкасаемым и в то же время неизбежным топиком общественного диалога. Логичным след-

ствием этого является генерация controversy в интернет-среде. Кардинальным отличием от политики «реального» мира является крайняя степень сегментированности онлайн-пространства. Порог входа для вовлечения в политический онлайн-дискурс невероятно низок, поскольку условием вовлечения в символическое единство политического является лишь самопровозглашение [5] без прямых доказательств принадлежности к той или иной идеологии. В офлайн-пространстве человеку необходимо опускать в разговоре свои отдельные политические взгляды для со-существования в цивилизованном обществе, большинство политических дебатов прекращаются для сохранения отношений с собеседником. В противоположность этому интернет-площадки предрасположены к формированию малых нишевых групп, которые будут воевать друг с другом из-за малых разногласий, а анонимность позволяет направлять ненависть без серьезных эмоциональных ограничений. На имплементации этих двух принципов покоится вся политика интернет-пространства как на микро- и макроуровнях, вне зависимости от политической идеологии. Cancel culture (культура отмены) является показательным, хоть и весьма преувеличенным, примером трансляции ненависти в интернет-пространстве. Культура отмены представляет собой современный вариант общественного ostracism публичной персоны или организации с целью уменьшения их влияния за совершенные ими действия. В противоположность культуре отмены (или в пару с ней) формируется outrage culture, которая вместо «стерилизации» пространства культуры отмены стремится быть как можно более вызывающей и противоречивой с целью привлечь к себе внимание и деиндивидуализировать оппонента [6]. Все стороны политического спектра имеют элементы обеих культур, но культура отмены обычно ассоциируется с левым крылом, а оутрейдж – с правым, но лет двадцать назад все было с точностью до наоборот. Хотя подобных терминов и не было в те времена, консерваторы в США выступали за устойчивость социальных отношений и стабилизацию общества, в то время как левые были провокаторами, которые пытались сломить устоявшийся соци-

альный уклад. Подобные стереотипы все еще имеют место быть, но смещение американской культуры в сторону прогрессивности изменило и главные лица американской политики: теперь «панком» стал правый комментатор, изобличающий махинации либеральных элит. Даже если материальные условия не изменились – все те же люди у власти поддерживают все те же законы, – сам дискурс изменился в сторону большего эпатажа и большей противоречивости.

Феномен онлайн-негативности в политике используется не только отдельными активистами, но и в большой политике. Показательным примером здесь будет избрание президентом США Дональда Трампа в 2016 г. Трамп был не первым президентом, кто использовал интернет-культуру в своей предвыборной кампании, но его эпатажный и неожиданный прорыв кардинально изменил лицо американской политики. Сам по себе Трамп не представлял из себя ничего особенного, политики, подобные ему, существовали и ранее, да и сам Трамп в нулевые активно участвовал в политике и выдвигался на выборах как независимый кандидат; подобные персоны всегда находились на периферии политической арены, но никак не в президентском кресле. Что же изменилось? Американская политика к 2016 г. находилась в ситуации фрустрирующей предсказуемости: накопленные за долгие годы социальные проблемы не решались и выбор кандидата на президентских выборах казался бессмысленным. Трамп ворвался в эту застойную атмосферу с пафосом звезды ток-шоу и вызывающими заявлениями. Он вернул в большую политику азарт, ту самую противоречивость, по которой так соскучилась американская публика. Пиар-компания Трампа помогла активизировать три различные группы населения: 1) традиционную республиканскую базу (здесь главная задача была скорее не в привлечении голосующих, а в отождествлении консервативных ценностей с помпезностью Трампа); 2) праворадикальных элементов, которые ранее были вытеснены за пределы «нормальной» политики; 3) интернет-поколения, которое уже привычно к контрвенцальности и видело в традиционной политике один лишь застой. Главной победой Трампа был его образ как кандидата,

«противостоящего эстаблишменту»: многие люди, проголосовавшие за него, не поддерживали его политические взгляды, но видели его избрание как неповиновение господствующей политической системе. Весь гнев, вся накопившаяся негативность, которая кристаллизовалась в интернет-пространстве, поспособствовала развитию реальной политики, без различения того, насколько искренна была эта негативность.

Однако столь ли опасна негативность интернет-пространства, как ее зачастую представляют аналитики современного общества, или же у нее есть положительные стороны? Сначала зайдем с другой стороны – неблагоприятных аспектов некритичной и в некоторых случаях токсичной позитивности. Зачастую показная позитивность ведет к замалчиванию проблем на институциональном уровне, на индивидуальном же уровне токсичная позитивность ведет к эмоциональной скованности и депрессивному расстройству [7]. Исследование токсичной позитивности заслуживает отдельного исследования, и мы не будем на нем останавливаться и перейдем к негативности. Конечно же, негативные аспекты негативности (без тавтологии тут, к сожалению, не обойтись) налицо: кибербуллинг, токсичный энвайромент, доксинг неизбежны при навигации интернет-пространства, хорошо известны примеры радикализации пользователей Интернета и искажения фактов для продвижения политической агенды. С другой стороны, менее экстремальные аспекты негативности не только естественны и витальны для самой среды, но и оказывают позитивное психологическое воздействие на людей. Выведение негатива наружу является одним из весьма эффективных способов эмоциональной разрядки и Интернет является хорошим проводником вывода гнева. Социальные ограничители заставляют нас бутилировать накопленные эмоции и выплескивать их куда-то вовне. Традиционными объектами «разрядки» были алкоголь и семья, что зачастую вело к деструкции социального юнита. Даже самые экстремальные проявления токсичности интернет-среды с трудом могут сравниться с физическим и эмоциональным насилием, в то время как высмеивание плохого фильма или споры на форумах по большей части являются доступ-

ными и относительно здоровыми примерами времяпрепровождения. С позиции интеллектуального дискурса можно добавить, что негативистское восприятие культуры помогает развитию критического мышления, выявлению несправедливости и в здоровых дозах никак не мешает позитивному развитию как личности, так и социума.

Литература

1. *Кайуа, Р.* Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа; пер. с фр. и вс. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.

2. *Трофимова, Г.Н.* Проблемы когнитивного дисбаланса в новостных сообщениях сетевых СМИ / Г.Н. Трофимова, Р.А. Савастенко // Неофилология. – 2023. – № 34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kognitivnogo-disbalansa-v-novostnyh-soobscheniyah-setevyuh-smi> (дата обращения: 19.09.2023).

3. *Трахтенберг, А.Д.* Интернет как идеология: альтернативная социальность и альтернативная реальность (об осмыслении информационной революции в современной левой мысли) / А.Д. Трахтенберг // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – № 21 (121). – С. 111–117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-ideologiya-alternativnaya-sotsialnost-i-alternativnaya-realnost-ob-osmyslenii-informatsionnoy-revolyuutsii-v-sovremennoy> (дата обращения: 19.09.2023).

4. *Penney, J.* Trending Outrage: How Social Media Impacts the Work of Journalists at the Pop Culture. Politics Nexus. / J. Penney // Pop Culture, Politics, And the News. – 2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/363861067_Trending_Outrage_How_Social_Media_Impacts_the_Work_of_Journalists_at_the_Pop_Culture-Politics_Nexus (дата обращения: 19.09.2023).

5. *Черняков, А.Н.* Политический дискурс в аспекте самореализации в сети Интернет / А.Н. Черняков, Р.А. Дунаев // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 1 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-v-aspekte-samorealizatsii-v-seti-internet> (дата обращения: 19.09.2023).

6. *Hans, N. Outrage as Language of Social Media Discourse: Analysing Prevalence and Effects / N. Hans, S. Rai. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371867741_Outrage_as_Language_of_Social_Media_Discourse_Analysing_Prevalence_and_Effects (дата обращения: 19.09.2023).*

7. *Андросова М.И. Социализация личности в проекции токсичной позитивности и газлайтинга / М.И. Андросова, Я.А. Тимофеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-v-proektsii-toksichnoy-pozitivnosti-i-gazlaytinga> (дата обращения: 19.09.2023).*

УДК: 130.3

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОБОЙ

Григорьев Степан Сергеевич,

магистрант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

e-mail: stepangrig677@gmail.com

г. Казань

Аннотация

В статье предпринимается попытка рассмотреть гегелевскую категорию бытия применительно к сознанию как к кантовскому трансцендентальному единству апперцепции. В качестве метода исследования использован структурно-лингвистический подход Ф. де Соссюра. Автор анализирует возможность проявления человеческого Я в случае создания «логической ситуации», когда человек в единстве слова, мысли и действия может осуществить акт самореализации, овладеть ситуацией и ощутить способность быть собой.

Ключевые слова: мышление, сознание, слово, воля, действие, апперцепция.

WHAT IT MEANS TO BE YOURSELF

Grigorev Stepan,

Master student,

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

The article attempts to consider the Hegelian category of being in relation to consciousness as Kant's transcendental unity of apperception. The structural-linguistic approach of F. de Saussure is used as a research method. The author analyzes the possibility of the manifestation of the human Self in the case of creating a “logical situation” when a person in the unity of word, thought and action can carry out an act of self-realization, master the situation and feel the ability to be himself.

Keywords: thinking, consciousness, word, will, action, apperception.

Мысль о каком-то объекте не есть сам этот объект. Слово, которое мы пишем или произносим, не есть та мысль, которую оно обозначает. В своей работе «Творческая эволюция» Анри Бергсон показывает, что реальность состоит из процессов, протекающих во времени непрерывно, и нет такого состояния, которое было бы стабильным. Это касается как физических процессов в реальном мире, так и процесса мышления, и социальных процессов. Однако при этом логика оперирует только тем, что стабильно, первый закон логики гласит, что мы должны понимать под одним и тем же словом один и тот же объект и одну и ту же мысль (понятие). Из этого следует парадокс «непостижимости бытия», которому посвящена первая часть выше означенной работы Бергсона. Мы ищем статичную форму, но никогда не находим ее до конца, это всегда что-то не совсем то, что-то, содержащее в себе тайну [1].

Все, что в нашей жизни вообще «работает», в чем можно быть уверенным, является таковым только посредством логики. Другими

словами, это то, что можно помыслить, выразить словом, и при известных условиях реализовать посредством действий. То есть та ситуация, которая могла бы быть предметом классической логики, подразумевает некое статическое соответствие мысли, слова и действия.

Слово является устойчивой, заранее предопределенной последовательностью звуков или символов. Фердинанд Соссюр в своей работе «Общая лингвистика» показывает, что слово привязывается к тому или иному понятию, по сути, случайным образом, и перемена слов не влияет на эффективность языка как средства передачи мыслей. Это видно из того, что разные языки вполне сосуществуют. Но при этом речь является сущностно одномерным явлением, то есть звуки или символы идут строго последовательно. Это связано с физиологическим устройством нашего речевого и слухового аппарата: в определенный момент мы можем произнести или услышать один конкретный звук. Соссюр показывает, что однозначное преобразование мысли в слово и обратно невозможно в общем случае. Тождество между мыслью и словом существует только как «синхроничное тождество» Соссюра, то есть как имеющее смысл только в данный момент времени, в данной конкретной, текущей ситуации. Таким образом, между мыслью и словом проходит семантическая граница – граница принципиальной непереводаемости [2].

Можем ли мы так просто то, что принято называть мышлением в философии, отождествить с тем, что происходит в вычислительных системах? С одной стороны, сама по себе идея думающей машины развивалась из тех же самых представлений о мышлении, которые свойственны философии. Алан Тьюринг в своей статье «Может ли машина мыслить?» указывает, что нет достоверного способа определить у какого-либо объекта наличие сознания и мышления. Он вводит концепт «игра в имитацию» и последовательно показывает, что для машины, способной к такой игре, мы вполне можем применить понятия «сознание» и «мышление» в общеупотребительном, а значит, и в философском смысле [3]. Во времена Тьюринга не было возможности поставить эксперимент в силу технических ограничений, но

в наше время уже можно с уверенностью утверждать, что машины справляются с этой игровой задачей. Рассуждая о сознании, мышлении и воле, философы, как правило, говорят об общих понятиях, то есть о том, что справедливо для всех. Если мы не можем отличить искусственный интеллект от естественного, значит, мы можем назвать наше сознание продуктом деятельности нашего мозга как вычислительной машины.

Мозг формирует логическую модель реальности таким образом, чтобы преобразования модели посредством свойственных ему вычислительных операций соответствовали «поведению» реальности. Это позволяет предсказывать развитие ситуации и принимать решения. Однако несмотря на то, что наш мозг, нервная система являются сложнейшей вычислительной машиной и, возможно, самой совершенной из всех когда-либо созданных природой, он (мозг) тем не менее является также и физическим объектом. Он ограничен в пространстве, состоит из конечного числа элементов, и процессы протекают в нем с конечной скоростью. Поэтому он в принципе не в состоянии моделировать все процессы реальности и ограничивается абстрактными моделями – объектами и вещами. Поэтому взаимно однозначное соответствие между мыслью и реальностью также невозможно. Это соответствие выполняется только при определенных условиях, и их тождество так же синхронично. Таким образом, между мыслью и физическим миром также проходит семантическая граница.

Отсюда видно, что ситуация логичности, когда совпадают мысль слово и материальная реальность, сама по себе крайне маловероятна. Ведь в реальном мире процессы идут непрерывно, все меняется. Но, как уже говорилось, все, что есть в этом мире, – понимаемо; все, что представляет для нас предмет стремления или избегания, что может быть потенциально как-то использовано, – все это должно быть так или иначе логично. Следовательно, логика – это не внешнее для нас явление, а наша насущная необходимость, необходимый для нашего выживания инструмент. И если ситуации логичности не существует в реальности, то нам необходимо ее создать. По сути, вне

ситуации логичности вообще не имело бы смысла понятие существования чего-либо, в том числе и нашего Я.

Кант в «Критике чистого разума» указывал, что когда мы мыслим или созерцаем что-то, то всегда находим свое Я как противоположную сторону, субъект. Кант называет это «трансцендентальным единством апперцепции», то есть Я есть то единое, что связывает наши мысли, создавая тем самым единство нашего внутреннего мира (см.: [4]).

Но мы находим Я как субъект уже после того, как определен некий объект. Причем находим Я всегда как что-то внешнее для той сферы, по отношению к которой оно является субъектом. Так, например, в мысли мы находим Я как то, что находится за границей мышления, как чистое присутствие в мире. В физическом мире мы, напротив, находим Я как то, что присутствует только в области мысли. То есть Я – это то, что находится всегда по другую сторону семантической границы. То есть Я является абстрактным.

Если я есть то, что находится всегда по другую сторону семантической границы мысли слова и материи, а ситуацию логичности мы выше обозначили как явление соответствия мысли слова и действия, то можно предположить, что мысль или созерцание воспринимается как моя мысль тогда, когда выполняется требование логичности ситуации. То есть мысль, слово и действие имеют однозначное соответствие друг по отношению к другу. Другими словами, нервный процесс может быть воспринимаем нами как наша мысль только тогда, когда возможна его интерпретация как слова, как действия, как ощущения внешнего мира. И иначе, если этот процесс не может и не предназначен к подобной интерпретации, то он не становится «нашей мыслью». Таким образом Я, как трансцендентальное единство апперцепции, определяется совокупностью ситуаций логичности, их историей, внутренней структурой, образом. Историей таких структур, которые бы имели значение и как мысль, и как слово, и как материя (реальность).

Если и существование Я, и существование способности быть чем-то определено как явление контакта трех семантических границ – слова мысли и материи, то можно сказать, что быть чем-то всегда означает быть чем-то в контексте Я. Даже категории как операторы мышления становятся моими категориями только в отношении к Я, то есть только в ситуации логичности. Причинность, бытие, становление происходят из общего снятия противоречия между материей, словом и мыслью. Так, например, становление – это становление чем-то для меня [5, с. 227]. Если мне необходимо забить гвоздь, но у меня есть только микроскоп, то для меня происходит становление микроскопа молотком. То есть становление – это всегда в той или иной степени процесс волевого творческого усилия личности, направленный на то, чтобы найти в окружающем нужное.

Откуда возникает необходимость, потребность создавать? Почему нам что-то становится нужным? Если не углубляться в природу человеческих целей, желаний и потребностей, а рассмотреть все на самом поверхностном уровне, то можно сказать, что любое желание или неудовлетворенная потребность – это противоречие между желаемым и действительным. Например, мы знаем, что мы хотим, но при этом не имеем этого. Или мы чувствуем какой-то дискомфорт, но не можем выразить его словами. Или мы знаем и видим то, что нам не нравится, но не имеем возможности, не знаем той последовательности действий, которую необходимо совершить, чтобы избавиться от этой проблемы. Так или иначе, любое устремление является поиском решения. То есть, если мы стремимся к чему-то, то находимся в ситуации, которая может быть описана законами логики не полностью, содержит пробелы. Эти пробелы становятся вопросами, задачами, и попытки разрешить их и становятся нашими устремлениями.

То есть в тот момент, когда сознание создает то, чего раньше не существовало в нем, как в единстве апперцепции, – тогда Я, как иное, вплотную приближается к семантической границе, сливается с собой по ту сторону границы. Я обретает существование тогда, когда про-

исходит момент объединения всех трех составляющих – мысли, слова и действия в созидательном движении.

Мышление порождает слово, слово порождает действие, и действие порождает принципиально новое явление, решение насущной проблемы как чудо, то, чего в нашем мире не было. Это явление, открывающее новые горизонты мышления, создает новые определения Я. Например Я – тот, кто смог, справился, умеет, был в такой необычной ситуации и сумел ее разрешить. В такие моменты на уровне чувств мы переживаем глубокое удовлетворение и самореализацию, непосредственное ощущение наличного своего Я, своей самости, контакта с миром [1, с. 222].

Это весьма специфическое чувство, которое, наверное, знакомо каждому, но довольно трудно поддается описанию. Согласно Гегелю, конкретное есть чувственно определенное [5, с. 272]. Если мы предположим, что это специфичное чувство «растворения в мире» сопутствует состоянию, в котором Я начинает создавать свои определения, то есть по Гегелю существовать для себя, значит, можно сказать, что это и есть проявление личного Я как объективного.

Литература

1. *Бергсон, А.* Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; перевод с фр. Булгакова М. – М.: Харвест, 1999. – 1408 с.
2. *Соссюр, Ф. де.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; перевод с фр. А.А. Холодовича. – М: Прогресс, 1977. – 695 с.
3. *Turing, A.M.* Computing Machinery and Intelligence / A.M. Turing // *Mind.* – 1950. – 49: 433–460.
4. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант; перевод с нем. Н.О. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
5. *Гегель, Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. / Г.В.Ф. Гегель; перевод с нем., общ. ред. и сост. Е.П. Стиковский. – М.: Мысль, 1974. – 452с.

**УТИЛИТАРНОЕ И ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЕ
ПОНИМАНИЕ ЛИБЕРТАРИАНСТВА:
ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

*Долинер Максим Геннадьевич,
магистрант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: mdoliner@bk.ru
г. Казань*

Аннотация

В статье анализируются две концепции понимания либертарианства: естественно-правовая и утилитарная. Обе концепции происходят из общей концепции либерализма, однако имеют разные обоснования необходимости либертарианской идеи. Естественно-правовая концепция выступает за первенство справедливости, утилитарная же выступает за первенство пользы, которая покрывает прочие убытки. В рамках этих концепций приводится проблема добровольного согласия, уникальное решение которой показывает каждая из концепций. Трудности с решением данной проблемы возникают как у одной, так и другой концепции, что говорит о неоднозначном лидерстве одной из концепций.

Ключевые слова: либерализм, либертарианство, утилитаризм, деонтология, добровольное согласие, проблема равенства, справедливость, свобода.

UTILITARIAN AND NATURAL LEGAL UNDERSTANDING OF LIBERTARIANISM: THE PROBLEM OF INTERACTION

Doliner Maksim,
master student,
Kazan Federal University,
Kazan

Abstract

The article analyzes two concepts of understanding libertarianism: natural law and utilitarian. Both concepts stem from the general concept of liberalism, but have different justifications for the necessity of the libertarian idea. The natural law concept advocates the primacy of justice, while the utilitarian concept advocates the primacy of benefit, which covers other losses. Within the framework of these concepts, the problem of voluntary consent is presented. Each concept shows a unique solution. Difficulties in solving this problem arise in both one and the other concept, which indicates the ambiguous leadership of one of the concepts.

Keywords: Liberalism, libertarianism, utilitarianism, deontology, voluntary consent, the problem of equality, justice, freedom.

Либертарианство является доктриной, которая предполагает соблюдение естественных прав человека. Однако соблюдение этих прав и понимание источника происхождения этих прав разное. Если, к примеру, у Джона Локка мы видим, что естественные права являются неотъемлемым элементом человеческой сущности, которые обеспечиваются Богом, то у некоторых современных идеологов либертарианства это понимание отличается. Так, Людвиг фон Мизес рассматривает естественные права как то, что необходимо для улучшения положения людей, для пользы общества [1]. Известный принцип разделения труда необходим обществу постольку, поскольку он обеспечивает людей всем необходимым, и если бы этот принцип не действовал, то люди терпели бы больше недостатков. Труд же, в свою

очередь, эффективен только тогда, когда он свободен. Достаточно вспомнить рабскую силу, которая производила намного меньше, чем при капиталистическом положении. Все дело, по мысли Мизеса, здесь в том, что у рабов не было мотивации к производству, они могли выполнять работу так, как того хотели, поскольку увеличение их трудозатрат не вело к улучшению их положения. Для обеспечения же этого положения необходим еще один момент – это мирное положение, поскольку войны вызывают раздор в экономическом смысле, а таким образом люди лишь теряют, а не приобретают. Именно поэтому, считает утилитарист Мизес, нам нужно равенство всех перед законом, который будет обеспечивать соблюдение естественных прав человека, главным из которых является право на свободу. В этом же смысле трактуется частная собственность, ибо она служит пользе для людей, а не является какой-либо особой привилегией для ее владельца. Поэтому и отмена частной собственности в теории была бы возможна, однако это не выгодно людям, поскольку она приносит пользу всему обществу. Отсюда же идет интерпретация неравенства в обществе, оно существует постольку, поскольку богатые заинтересованы в производстве, в то время как в противном случае всеобщего блага бы не наступило, люди бы просто были одинаково бедными. Более того, роскошь, которой обладают богатые, является не более чем стимулом для создания и производства новых потребностей для общества.

По-другому обстоит дело с естественно-правовым либертарианством, которое отвергает принцип пользы как основу для обоснования естественных прав. Здесь яркой фигурой является Джон Ролз. Философа не удовлетворяет переход от индивидуального принципа пользы к общественной, поскольку в таком случае не учитываются реальные интересы людей. Для некоторых людей, к примеру, обоснованы некоторые потери в моменте, которые приведут к большей пользе в будущем, а для некоторых это неприемлемо. Ролз же вводит собственные принципы, которые будут обеспечивать интересы многих. Так, он создает свой мысленный эксперимент исходного поло-

жения [2]. Суть его состоит в том, что люди до всякого общественного распределения благ находятся в положении неведения. Для рациональных агентов, по мысли Ролза, логично выбрать такой принцип, который позволяет получить максимум при самом худшем исходе. Это положение в теории игр носит название максимина. Такой выбор позволяет сгладить неравенства людей, при этом обеспечивая для всех равные свободы. Отсюда аргумент против утилитарного либертарианства состоит в том, что понятие счастья у каждого разное, поскольку каждый может получать удовольствие от разного. Запросто можно представить убийцу, который получает удовольствие от этого ровно так же, как можно представить скрипача, который получает удовольствие от игры на скрипке. Именно здесь нам на помощь приходит добрая воля, которая, по Канту, является всегда правильной. Вспомним, что Кант считал человека принадлежащим как бы к двум мирам, к материальному и сверхфизическому. Благодаря принадлежности к первому, человек оказывается зависимым, детерминированным законами природы. Благодаря же второму, человек истинно свободен, поскольку может выстраивать собственный моральный закон. Отсюда вспоминается максима Канта, согласно которой необходимо поступать так, как если бы это стало всеобщим законом. Поэтому моральным не может быть, к примеру, кража. При этом она не может быть допустимой не потому, что несет в себе ужасный мир, где каждый является жертвой, хотя это и так. Кража недопустима, поскольку содержит в себе внутреннее противоречие, поскольку кража подразумевает законное владение собственностью. Еще одна формулировка категорического императива заключалась в том, чтобы относиться к другим людям как к цели, но не как к средствам.

Важно также отметить то, как рассматривают проблему добровольного согласия две ветви либертарианства, рассмотренные нами ранее. Интересный пример приводит Майкл Сэндел, где благотворительный фонд предлагает наркозависимым женщинам деньги за отказ от продолжения рода путем операционного вмешательства [3]. С одной стороны, мы видим, как утилитаризм пытается избежать негатив-

ных последствий в результате рождения больных и никому не нужных детей, и, как кажется, способ, который предлагает благотворительный фонд, является максимально полезным для всех. Для наркоманов он полезен тем, что они получают некоторые деньги, а для потенциальных детей тем, что они не будут брошены на произвол судьбы. Однако, с другой стороны, рассмотренная проблема не является такой однозначной, поскольку в данном случае мы имеем дело с согласием наркомана, которое нельзя назвать в полном смысле добровольным. Согласие наркозависимого человека кажется слабым, не имеющим полное понимание ситуации, в которой они оказываются. Принцип свободы говорит нам не лезть в этот выбор, поскольку «мое тело – мое дело», однако справедливость говорит нам о том, что этот выбор не является в полной мере добровольным, а поэтому требует нашей помощи со стороны. Возможно, нам стоило бы помочь вылечить наркозависимую, а не предлагать ей отказаться от возможности забеременеть. Более явный случай не в полной мере добровольного согласия можно увидеть в ситуации, когда тонущему человеку предлагают спасение, но за деньги. Даже если тонущий не имеет денег, скорее всего, он согласится на спасение, поскольку ему дорога его жизнь, и она не стоит никаких денег, однако тот, кто требует за спасение деньги, ставит тонущего в безвыходное положение, и, хотя тонущий соглашается, его согласие нельзя назвать в полной мере добровольным.

Для решения этой проблемы философ, либертарианец, Майкл Мангер вводит критерии, благодаря которым мы можем установить, является ли согласие истинно добровольным. Среди основных условий выделяет также то, что ни одна из сторон сделки не должна находиться в ситуации крайней необходимости и каждая из сторон, таким образом, должна обладать равным весом в переговорных позициях. В этом смысле виноват не сам рынок, что он такой ужасный и не может бороться с такими ситуациями, а виноваты обстоятельства, а точнее те, кто их создает. Однако, хотя сделка не справедлива, согласно либертарианству нельзя ее запрещать, поскольку это еще сильнее

ухудшит положение кого-либо, находящегося в подобной ситуации: например, бедный человек, который продает свои органы, так как старается найти средства для того, чтобы прокормить свою семью, полностью имеет право на эту сделку, поскольку иной исход еще сильнее ухудшит его положение, хотя и это несправедливо. В некотором смысле рынок даже позволяет решать такие сложные ситуации. Например, в ситуации, когда человек бедный, это позволяет ему получить деньги для прокормления семьи. Если бы такая сделка была отклонена по принципу справедливости, тогда бы семья человека оказалась бы в безвыходном положении.

Таким образом, мы видим, как утилитарное либертарианство имеет внутренние проблемы, которые не дают ему в полной мере раскрыть потенциал либертарианства. Свобода в утилитарном либертарианстве оказывается лишь средством, а не целью, поскольку ей можно пренебречь в случаях, где польза оказывается более высокой, чем требования справедливости. Принцип добровольного согласия с точки зрения утилитаризма не учитывает свободу индивида, поскольку опирается на максимизацию полезности в самой ситуации. В этом смысле утилитарное либертарианство принижает значимость свободы. С другой же стороны, ситуация добровольного согласия не так однозначна, поскольку мы увидели ситуации, где само предложение сделки может быть несправедливым, однако запрещать его было бы еще большим злом, поскольку это бы отняло всякую возможность у нуждающегося человека. Здесь мы пользуемся принципом «не хуже», который предполагает, что больше пользы человек получит в ситуации, когда мы разрешаем эту сделку, нежели отказываем в ней. Поэтому мы видим на примере проблемы добровольного согласия, как важно конкретное рассмотрение ситуаций, а не апелляция к абстрактным терминам вроде справедливости или пользы.

Литература

1. *Мизес, Л.* Либерализм / Людвиг фон Мизес; пер. с англ. и комментарии А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2007. – 344 с.

2. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.

3. Сэндел, М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка / Майкл Сэндел; пер. с англ. Натальи Ильиной. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с.

УДК 130.3

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭПОХИ И (ПОСТ)СУБЪЕКТА: ЯЗЫК И ЕГО УТРАТА

*Зимин Валерий Владимирович,
студент 3 курса,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: dgesymain@gmail.ru
г. Казань*

Аннотация

В статье представлен обзор эпохи постмодерна, неопределенность которого обусловлена состоянием кризиса субъекта. В качестве ключевой особенности эпохи рассматривается тезис структуралистского толка, постулирующий конституирование субъекта в языке (Л. Альтюссер, Ж. Лакан). Акцент ставится на роли языка, который выводит человека из состояния «субъекта под вопросом», не обладающего социальной идентичностью. Так же рассматриваются возможные интерпретации языка как субъективирующего элемента: Символическое, идеология.

Далее, были рассмотрены постмодернистские теоретические ходы, разрушающие основательность и субъектность языка, посредством регистрации положения субъекта в принципиально вещественной среде. Определен контекст Социального при выстраивании этой теоретической траектории – избыток и поток вещей в производстве

социальной идентичности (Ж. Делёз). В настоящем тексте обращается внимание на возможный горизонт проблем, образовавшийся вследствие низвержения самого герметизирующего интересубъективности элемента – языка.

Ключевые слова: Субъект, язык, дискурс, речь, Символическое, Ж. Лакан, идеология, интересубъектность, постмодерн, нарратив, производство-потребление, социальная идентичность

TO THE DEFINITION OF THE ERA AND THE (POST) SUBJECT: LANGUAGE AND ITS LOSS

*Zimin Valery,
3rd year student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

The article presents an overview of the postmodern era, characterized by the principle of uncertainty, which is influenced by the crisis of the subject. The examination of the subject in this era is based on the postulate of a structuralist nature, stating that an individual as a subject is constituted in language (L. Althusser, J. Lacan). The emphasis is placed on the fundamental nature of language, which moves the individual from a state of “questioned subject” to a pre-linguistic state. Possible interpretations of language as such are also discussed: symbolic, ideological.

Furthermore, postmodern theoretical approaches that undermine the foundation and subjectivity of language were considered, through the registration of the subject's position within a fundamentally material environment. The context of the Social is determined when constructing this theoretical trajectory - the excess and flow of things in the production of social identity (J. Deleuze). This text draws attention to the horizon that has opened up for the problem at hand.

Keywords: Subject, language, discourse, speech, Symbolic, J. Lacan, ideology, intersubjectivity, postmodern, narrative, production-consumption, social identity.

При попытке охарактеризовать эпоху постмодерна (для многих делящуюся поныне) в каких-либо ее проявлениях (в культуре, философии, искусстве, политике) мыслители обычно находят свой искомый предмет принципиально *неопределенным*. Конечно, находясь внутри самой парадигмы мысли, нельзя ее определить, поскольку у нее еще не образовался исторический предел. Генеалогия присущей постмодерну эпистемологической конструкции, таким образом, невозможна в силу того, что многие потенциальные акты современности еще, как кажется, не изжиты (поэтому многие «смущаются» вешать какие-либо еще ярлыки на настоящее историческое время типа «метамодерн», «постпост-» и т. д.). Такое объяснение, конечно, имеет право на существование, но оно представляется весьма поверхностным, не следующим «из гущи» самого постмодерна.

Остановим взгляд на характеристике эпохи, обладающей апофатическим предикатом неопределенности. Эта отмечаемая многими черта неопределенности говорит о разрозненном, децентрированном модусе существования смысловых (аксиологических) и нарративных отношений общества к самому себе в плане производства и воспроизводства своего «культурного тела».

В перспективе культурной нестабильности индивид оказывается схвачен в своем желании идеологическими институтами, не обладающими в качестве своей легитимации истинным обоснованием, но все равно являющимися признанной действительностью человека [1, с. 28]. У индивида отнимается возможность говорить от своего лица. Его существование в качестве того, что именуется личностью, необходимо для оправдания производства желаний, движущихся из инстанции Я как некоторой активности, все же подкрепленной к господствующему дискурсу.

Описанное подчиненное состояние любой формы субъектности иному, внешнему и внеположному означающему и создает такое состояние эпохи, как неопределенность. Чтобы понять это, необходимо установить, каким образом возникает согласная исторической субъективности смысловая и нарративная социальная реальность (отсутствие которой у постмодерна и заставляет нас говорить о нем как о неопределенной эпохе).

Многие мыслители, формировавшие дискурс о субъекте и его положении в шаткую для определения эпоху, видели ответ на этот вопрос в самом функционировании языка как самодостаточного коррелята, обеспечивающего социальную, то есть признанную реальность. Так, у А. Кожева, читавшего во Франции впервые лекции по «Феноменологии Духа» Г.В.Ф. Гегеля, мы встречаем следующее: «Если Бытие в целом – это не просто чистое Бытие (Sein), но также и Истина, Понятие, Идея или Дух, то это единственно потому, что в его реальное существование включена человеческая, *или говорящая* [курсив мой. – В. З.], реальность... Без Человека Бытие было бы немо: оно было бы *тут* [здесь и далее – курсив автора] (Dasien), но оно не было бы *истинным...*» [2, с. 574]. Таким образом, именно язык позволяет человеку давать наименование Бытию, то есть содержательно наполнять человеческим присутствием, что создает структуру субъект-объектного модуса существования человека.

Французские мыслители восприняли этот обертон так, чтобы уберечь данный А. Кожевом заряд философского потенциала от перехода в трансцендентальную метафизику, провозглашая в такт лекциям А. Кожева, что «*ее нет, онтологии сущности, существует только онтология смысла*» [3, с. 18.]. Человеческая речь, или дискурс, определяет не только те вещи, о которых она говорит, наделяя их смыслами, но определяет и саму себя в качестве говорящей, а значит, и обладающей некоторыми условиями субъектности, которые позволяют учреждать связь между вещами и произносящим речь Я.

Субъект социального, то есть находящего себя в общественных отношениях производства и воспроизводства смыслов культуры или

идеологии и утверждения интерсубъектности, по мысли Л. Альтюссера, рождается в момент, когда индивид овладевает языком, вступая тем самым в процесс интерпелляции (процесс признания и создания в субъекте некоторых идеологических функционирующих инстанций: муж, гражданин, студент и т. д.) [4]. Иными словами, вступая в языковое пространство, индивид «субъективируется в идеологии и идеологизируется в субъекта», теперь Другой в качестве языка осуществляется посредством субъекта. Однако, задается вопросом С. Жижек, кем является индивид до субъективации интерпелляции в языке? До этого момента «субъект является субъектом вопроса» [1, с. 181], вопроса, адресант которого – Другой.

Отслеживая процесс возникновения инстанции «Я» в речи, Ж. Лакан, отмечает особую интериорность отношения индивида к себе: «Расчлененное тело обретает свое единство в образе другого, представляющем собой предвосхищение своего собственного... Субъект – это никто. Он разложен, расчленен. И он блокируется, он вбирается в себя либо образом другого, одновременно обманчивым и уже реализованным, либо собственным образом в зеркале. Там, в этом образе, он обретает единство». [5, с. 79]. Таким образом, языковое состояние субъекта отмечено расщепленностью. Социальное же существование требует от индивида некоторой целостности. И именно Другой, представляющий собранную «цепочку означающего», ставя под вопрос субъекта, вписывает (или принуждает сделать это самостоятельно) последнего в Символическое, которое и создает фон для интерсубъективного существования в культуре. Именно Символическое, представляя собой пересобранные субъектные осколки, по-новому склеенные языком, регистрируется в каждый момент как состояние эпохи.

Рассмотрев некоторые теории субъективации, можно прийти к выводу, что некоторые сверх- или метаструктуры (идеология, Символическое) конституируют особые формы субъектности. Такие формы в своем опосредованном в языке характере создают, в свою оче-

редь, эпистемологический каркас эпохи, который исходит из признанной формы субъективности, или господствующего дискурса.

Однако при обзоре положения социального существования современного индивида заметно, как отмечают мыслители, преобладающее давление производства вещей над производством смыслов и идей как таковых. Напротив, первое подчиняет себе второе, овеществляя смыслы в процессе производства, претворяя их в симулятивную оболочку: «производство непосредственно является потреблением и регистрацией, регистрация и потребление напрямую определяют производство, но определяют его в лоне самого производства» [6, с. 17]. Рассмотрение этой ситуации социального, в которой налицо элемент отхода от субъектного выстраивания эпистемы, в пользу разложения в подключении к производству-потреблению вещей и смыслов как вещей. Таким образом, в формулу А. Кожева «человек создает человеческую реальность посредством говорения о себе в становлении» вклинивается иной момент. Теперь индивид конституирует себя в качестве субъектного «Я» не через интерсубъектные отношения (Альтюссер, Лакан), а через регистрацию той части себя, которая находится подключенной к процессу производства-потребления вещей.

Именно по причине этой смены центрирования ядра субъекта, он теряет свою легитимацию в качестве социальной и теоретической единицы. М. Фуко в «Герменевтике субъекта» подводит этому рассуждению черту, говоря, что рассмотрение субъекта – это рассмотрение «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует» [7, с. 620]. То есть субъектом называется лишь тот, кто выражает собой функцию в производстве чего-либо (дискурса, желания, потребления и т. д.).

Переходя к заключительной части, зададимся вопросом: как возможно возникновение и воспроизводство форм субъективности

посредством подключения к механизмам языка в ситуации, когда речь или дискурс присвоен вещам? Иными словами, как схватить в выражении отношений интерсубъектности «Я», место которого уже всегда захвачено процессом потребления?

Намеченная ситуация может регистрировать момент опосредования интерсубъектных отношений как опосредования вещами. То есть теперь, в условиях коммуникации, человеческая речь отсылает прежде всего к вещам и, что особо важно, в их потребленном статусе. Конструирование социальной идентичности, бывшее в распоряжении языка, теперь под властью отношений индивида к вещам и их влияниям на производство субъективности.

Таким образом, в социальном пространстве, идентичность которого обусловлена потоком производства-потребления вещей, язык как атрибут субъектной активности теряет свою исключительность и самостоятельность. Легитимация смысловых и нарративных ориентиров, прежде создававшая содержание эпохи, присваивается к машинерии и потоку вещей. Неопределенность постмодерна, следовательно, определена инвестицией вещей в языковой дискурс, гарантирующий идентичность субъекта, который определяет себя в истории.

Литература

1. *Жижек, С.* Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. Вл. Софронов / Архив XXI века. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.

2. *Кожев, А.В.* Введение в чтение Гегеля / А.В. Кожев; пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2003. – 791 с.

3. *Deleuze, G.* Jean Hyppolite, Logique et Existence / L'iledéserte et autres textes. Textes et entretiens 1953–1974 / G. Deleuze // Les éditions de Minuit, 2002. – P. 18–24.

4. Идеология и идеологические аппараты государства (заметка для исследования)» / пер. с фр. С. Рындин // [Электронный доступ] URL:<https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 11.09.2023).

5. Лакан, Ж. Семинары. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: «Гнозис», «Логос», 2009. – 520 с.

6. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализмишизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

7. Цит. по: Грицанов, А.А. «Смерть Субъекта» / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск: Современный литератор, 2007. – 816 с.

УДК 130.3

КАК НАС УЧАТ ПРИВЫКАТЬ К «УМИРАНИЮ»

*Камальдинов Камиль Ремисович,
студент 3 курса,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: kamil56555@mail.ru/
г. Казань*

Аннотация

В статье представлен взгляд на постсовременное практическое и политическое отношение к «памяти», который, по мнению автора, предполагает весьма специфическое отношение к смерти: если мемориал сохраняет в памяти жизнь, живое, то смерть отодвигается в зону Забвения. В качестве материала была выбрана теория Политики Мемориализации и Забвения Ж.-Ф. Лиотара, обозначены ее функции, показан инструментарий влияния на память и воспоминания. Текст фокусируется на проблеме объективации субъекта через «умерщвление» его памяти политикой Мемориала, а также на анализе процесса Забвения. В традиции Р. Барта в качестве двумерной вариации Мемориала/Монумента представлена Фотография, выступающая как объект, эманлирующий субъектность.

Ключевые слова: Забвение, Фотография, Политика Мемориализации, смерть, время.

HOW WE ARE TAUGHT TO GET USED TO “DYING”

Kamaldinov Kamil Remisovich.

3rd year student.

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

The article presents a view on the post-modern practical and political attitude to “memory”, which, according to the author, implies a very specific attitude to death: if the memorial preserves life, the living in memory, then death is relegated to the zone of Oblivion. The theory of the Politics of Memorialization and Oblivion by J.-F. Lyotard was chosen as the material, its functions are outlined, and the tools of influence on memory and remembrance are shown. The text focuses on the problem of objectification of the subject through the “deadening” of his memory by the politics of Memorialization, as well as on the analysis of the process of Oblivion. In the tradition of R. Barthes, the Photograph is presented as a two-dimensional variation of the Memorial/Monument, acting as an object that emanates subjectness.

Keywords: Oblivion, Photography, Memorialization policy, death, time.

Память,

память,

память.

Память – всегда о двоих,

И никогда не-о-ком –

Провинциал-провинциалка.

Но только вещи помнят сполна,

Собирая пыль событий,

Так,
что отца и мать можно искать на скатерти,
А коль найдешь их,
ищи себя в углу,
Ведь для рождения угла
Нужно как минимум два
Отрезка, пореза...

В пыли дорог и берегов речных излучин
Учуешь знакомые смог и гарь,
А ведь весь дым ведет в Рим,
Где любовь распята на трубах завода КамАЗ,
Сколько не сорвусь,
Все равно возвращаюсь,
всегда и везде,
Я ребенок станции «Нигде» –
Ни землянок, острогов,
лишь блиндаж, а после лишь бруствер,
Тонкая линия огня и пыль заката,
Словно старые стансы к Августе.

Сюда приплываешь с перелетной тягой птиц,
Но уже не гоже заглядывать по ту сторону ветров,
Ибо не Серб и не молод,
А из прорехи на лице чаще раздается вонь дешевых сигарет,
реже – слов,
Не чужих, не своих, но чьих-то.

Город страшная сила,
И тем страшней – когда тучи насупят брови,
пустив град под хлоднокровь воды,
Что не терпит повторов, памяти, пыли
и тем более углов.

Человек в ситуации постсовременности – человек абсолютного внимания. Каждый объект и/или событие аккумулирует наше внимание, находясь в состоянии мерцания и ускользания. Однако нахождение в постоянном «вниманировании» размывает границы памяти, не дает сконцентрироваться, заставляя то вспоминать, то забывать «нечто» и «ничто».

Сами объекты и события статичны в отличие от динамичности вниманирования, возникающего от мельтешения бесконечного множества этих объектов и событий. Они кончены и мертвы как продукты фиксации и выступают как знаки (при этом лишь как означающее) прошлого, некоторой прожитой или до-сих-пор-проживаемой жизни.

Функционально эти кристаллизованные объекты и события служат инструментом субъективации, «оживления» и стабилизации людей и социальных отношений. Фиксируя «нечто», они вытесняют все остальное, забывают его: фиксация *победы* в памятнике или мемориале вытесняет *ужасы* войны. Такая фиксация-забвение направлена на сохранение социальных отношений, четкое разграничение «времен войны» и «мирного времени», бессознательное отрицание последствий. «„Политика забвения“ как раз и состоит, подумалось мне, в возведении мемориала» [1, с. 10].

Возвращение же фрейдовского вытесненного конвертируется в бред. Но возвращение «происходит, однако, в чрезвычайно абберративной форме: бредовая идея вытесняет идею или воспоминание о подлинном событии, которое является для бредящего невыносимым» [3, с. 21].

Мемориал всегда будет фиксировать торжество жизни, раз за разом повторяя «смерть ничто», вытесняя разрывы социального, отвлекая от «смерти» установкой памятника, стуком долота по камню, щелчком металлических пластин в фотоаппарате, «...вероятно, кто-то очень древний во мне еще слышит в фотокамере живой звук дерева» [2, с. 26].

Восприятие времени становится диахроническим: прошлое (предшествующее) настигает нас не в моменте синхронного совпаде-

ния «прошлого» и «прошлого-предыдущего», а в момент забвения «прошлого», когда «прошлое-предыдущее» вторгается в настоящее в виде несхватываемого фантома, в виде некоторого лакунического нарратива. В виде «уже отсутствия», шокирующего, бьющего и десинхронизирующего своим присутствием. И это «„присутствие” <...> – безымянное в тайне имен. Нечто забыто, каковое не вытекает из забвения реальности, поскольку ничто никогда и не запоминалось, и каковое можно вспомнить лишь как забытое «до» памяти и забвения и лишь его повторяя» [1, с. 14].

Целью «мемориальной истории» является избегание этого «присутствия», умерщвление его и забвение. «Предмет фотографируют, чтобы изгнать из сознания...» [2, с. 72], мемориал воздвигают дабы исключить шок, «ризомировать» историю и память, переводя их из состояния триптиха без центральной доски в цельное полотно, где отсутствие замещается присутствием некоторого сакрального мифа, чувства жизни: «подразумеваемая мемориальной историей темпорализация сама является противозабвением... <...> Это его, забвения, политическая функция» [1, с. 18].

В контексте Политики Мемориализации также можно обратить внимание на фотографию как некоторую двумерную вариацию Мемориала. Фотография в самом широком смысле этого слова выступает маской и маркировкой смерти и забвения. Технически она содержит два инструмента «убивания»: щелчок и объектив.

Щелчок – это темпоралика фотографии, ее единственный и единый хронотоп. Он разделяет время и память на «до»кадровое, как нечто отправляющееся в забвение и вытесняемое, и «в»кадровое, как то, что остается зафиксированным и тем самым умерщвленным и окончательным.

Объектив уже в своей этимологии содержит свой функционал и целеполагание. Данная деталь фотоаппарата выполняет задачу объективизации субъекта, то есть буквальное лишение субъектности и умерщвление, превращение субъекта в референт, что делает его неотделимым от фотографии и наоборот. Однако неотделимость фото-

графии и ее референта не делает ее живой. «Само по себе фото ни в коей мере не одушевлено <...>, просто оно одушевляет меня...» [2, с. 31].

Итак, сам процесс фотографирования является для нас процессом умерщвления, но не самой смерти, и, по Барту, «представляет то довольно быстротечное мгновение, когда я, по правде говоря, не являюсь ни субъектом, ни объектом, точнее, я являюсь субъектом, который чувствует себя превращающимся в объект: в такие моменты я переживаю микроопыт смерти (заклучения в скобки), становлюсь настоящим призраком» [2, с. 24]. Таким образом, выделив два ключевых процессуальных элемента фотографии, мы переходим к ее проявке.

Под красными лампами фотолаборатории на бельевой веревке, трясясь на прищепках, перед нами предстает фотография. Абсолютно монолитная, как и политика мемориализации, она «забывает разнородное...» [1, с. 19]. Мы наблюдаем, как «Фотография превратила субъект в объект, даже, так сказать, в объект музейный...» [2, с. 23]. Как и Мемориал, она содержит в себе некоторую лауну, некоторое ускользающее, вытесненное, что мы не можем проявить ни химически, ни методологически, то, что осталось по ту сторону щелчка, во внепамятном. Пытаясь разглядеть фотографию, взглядеться в нее, мы впадаем в бред, в оправдание всеяности и очевидности сфотографированного. Мы игнорируем стучащий из фотографии ужас напоминания, избегаем семиотических ловушек, полностью игнорируя символику. В снятом чернокожем мы игнорируем историю рабства, в собственной фотографии мы игнорируем депрессию, смерть или тиранию матери, не допуская в сознание фрейдовский heimlich (жуткое). Фотография тем самым превращает сфотографированного в объект, в красивый или уродливый, в эстетический или эротический. Фотография становится гомогенной, не допускающей разности видения. Все, что мы можем сказать, это как фотограф держал фотоаппарат, когда был сделан снимок, в какое время суток, в каком месте, то есть

мы можем лишь перечислить такое же собрание гомогенных событий и объектов.

Выискивать на фотографии «себя» или субъект, значит, «фатально сталкиваться с интересами фотографа...» [2, с. 40]. Так же, как и в попытке прорваться через мемориальную историю, через Мемориал, в фотографии мы сталкиваемся с Политикой Забвения. И Фотография, и Мемориал постоянно повторяют «смерть», и таким же образом параллельно, по Мирча Элиаде, повторяют и Миф Жизни. Миф также повторяет свою статичность, являясь скомпрессированным, вакуумированным и герметичным метанарративом: «яростное желание „сделать живыми“ есть не что иное, как мифическое отрицание страха перед смертью...» [2, с. 45]. И мы приходим к резонному выводу, что, как и ваятели Мемориалов, «великие мастера фотопортрета были и великими мифологами...» [2, с. 48]. Миф всегда профанирует «немиф» (реальность), его «сакральное» содержание всегда подчиняет себе окружающую действительность, всегда заполняет «дыры» бредом, некой сакральной защитой, золотым руном, ключом Соломона, поясом Брюнхильды и т. п.

Ролан Барт полагает: «Эти мифы <...> нацелены на то, чтобы примирить Фотографию и общество (да есть ли в этом необходимость? – Еще бы, Фотография – вещь опасная), наделяя ее функциями. <...> Функции эти таковы: информировать, представлять, застигать врасплох, означивать, вызывать желание» [2, с. 41]. Однако этому же служат и Мифы Мемориала. Они таким же неявным образом «оберегают» общество и социальное от шока, от вторжения воспоминаний о насилии, войне, рабстве. Они вытесняют их в поле лакунического, заставляя забыть, растаять, как шагреневая кожа, подчиниться Политике Забвения. Мифы Политики Мемориала – бред, они строятся на реальности, впоследствии вытесняя свою же основу.

Есть ли выход из этого тотализированного и тотализирующего «беспамятства», возможно ли освободиться от глобальной манипуляции памятью?

Жан-Франсуа Лиотар приводит в пример два дискурса, способствующих борьбе с Политикой Мемориализации и Забвения: литература и историковедение. С его точки зрения, «оппозиционный» историк всегда противостоит Концу Истории, всегда ищет, пытаясь дать ответ на вопрос «Что же было на самом деле?» Он стремится стереть сам факт забвения, противостоит интерпретации истории Политикой Мемориализации. «Бороться с забвением в этом контексте – это бороться за то, чтобы помнить: мы забываем, стоит нам поверить, стоит заключить и счесть решенным» [1, с. 22].

Наряду с историческим дискурсом Лиотар ставит дискурс литературный. Целью писателей и поэтов является подсвечивание факта Забвения, они конституируют и констатируют, что «нечто забыто». Литература, по Лиотару, выступает как фрейдовский инструментарий, как возвышенное у Канта или как еврейский бог. Она содействует «возвращению» вытесненного не в форме бреда, а в форме нарратива без приставки «-мета», нарратива, лишённого лакунарности и «слепых пятен». Таким образом, происходит «втеснение» вытесненного без бредовых идей, приход к нарративу, не имеющему ни лакун, ни «мета-»: «литература <...> основной своей целью всегда имела единственно вскрыть, представить словам то, что ускользает от всякого представления, то, что забывается» [1, с. 14].

Литература

1. *Лиотар, Ж.-Ф.* Хайдеггер и «евреи» / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Machina, 2014. – 206 с.

2. *Барт, Р.* Camera lucida / Р. Барт. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. – 192 с.

3. *Квачев, В.* Without an agenda: диалектика безразличия и фашизм в XXI веке / В. Квачев // Локус 3 / Отв. ред. С.А. Либерман. – Казань: Проект «Локус», 2022. – С. 20–23.

«САМОСТЬ» И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ

*Кочеткова Алиса Владимировна,
студентка 3 курса,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: alisa-lisa22@mail.ru
г. Казань*

Аннотация

В статье рассматривается тема «самости» в философии Ф. Ницше, который в споре с классической новоевропейской философией понимает под субъективностью то, что нужно перешагнуть, преодолеть на пути к подлинному существованию. Человек – не безусловная данность, а существо принципиально переходное, обращенное в будущее. Человеческая жизнь отмечена незавершенностью, динамичностью, а значит, никогда не будет цельной, оставаясь фрагментарной и отсылающей к чему-то иному.

В этом смысле трактовка «самости» в философии Ницше радикально расходится (по крайней мере, как он сам предполагал) с европейской традицией, но удивительным образом сближается с древнеиндийской философией. Ведийские брахманы полагали, что высшей точкой духовного пути должно быть понимание тождества Атмана с абсолютным, бесконечным надличностным началом жизни – Брахманом.

Ключевые слова: Ф. Ницше, Атман, Брахман, самость, сверхчеловек, атомизация.

THE “SELF” AND ITS ABSENCE

*Kochetkova Alisa,
3-rd year student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Annotation

The article discusses the topic of “self” in the philosophy of F. Nietzsche, who, in a dispute with classical New European philosophy, understands by subjectivity what needs to be crossed, overcome, on the way to a genuine existence. Man is not an unconditional given, but a fundamentally transitional creature turned into the future. Human life is marked by incompleteness, dynamism, which means it will never be whole, remaining fragmented and referring to something else.

In this sense, the interpretation of “self” in Nietzsche's philosophy radically diverges (at least as he himself assumed) from European tradition, but surprisingly draws closer to ancient Indian philosophy. The Vedic Brahmins believed that the highest point of the spiritual path should be the understanding of the identity of the individual self – Atman, with the absolute, infinite superpersonal beginning of life – Brahman.

Keywords: F. Nietzsche, Atman, Brahman, self, superhuman, atomization.

Проблема «самости», внутреннего «я», самоидентификации является одной из традиционных философских проблем. В неклассической философии нередко «самость» предстает не как данность или основание познания и жизни, а как проблема, как то, что должно быть преодолено на пути освобождения, выхода к каким-то более широким жизненным горизонтам. Человек – узник, закованный в «я», как в тюрьму. И в этом смысле неклассическая философия XIX–XX вв. неожиданно сближается с древнеиндийской духовной традицией,

в которой «я» также понимается как главное препятствие на пути к спасению.

Мы становимся заложниками какого-либо жанра, обрекаем себя быть радикальными, и это действительно делает нас человечными. Беспристрастность свойственна отстраненным персонам, непричастным, например судьям. Я считаю, что это невероятно сложная профессия, профессиональным психологам тоже трудно, им приходится узнавать столько переживаний и не пропускать их через себя. Эти люди искусственно подавляют в себе человечность ради того, чтобы увидеть результат, починить что-то в нашем мире. Еще Ницше в своей работе «О пользе и вреде истории для жизни» говорил, что неисторичные люди, именно которые зачастую и входят в историю, являются менее восприимчивыми, даже можно сказать черствыми [1]. Тем не менее они, поглощенные любовью к своей деятельности, являются сильнейшими из нас. Он рассматривает ситуацию относительно переживания прошлого, обладания способностью к забвению.

Человек по своей природе радикален, что проявляется как тенденция к атомизации. Человек страдает, не будучи способным собрать себя, стать целым, продолжая разбиваться на социальные группы. Человек не совпадает с самим собой, создавая себя искусственно. По своей натуре существо социальное и способное к труду, не может ничего не делать. Мы вырастаем в культуре, вращаем в нее раньше, чем растет наше самосознание. Мы не имеем даже шансов, чтобы стать другими. Почему у нас есть сознание, а у животных – нет? Они не способны к рефлексии. Овцы на альпийском лугу неисторичны, и они абсолютно счастливы, им ничего для этого не нужно, одного только существования достаточно [1]. Помнить – искусственно. Нас убивает переизбыток, все кажется однообразным, парализует, человек теряется в эпохах, человек исключает себя из истории.

Довольно уместно, на мой взгляд, затронуть и сверхчеловека Ницше. Я вижу некоторые параллели по форме и содержанию работы «Так говорил Заратустра», которая будет цитироваться далее, и Адвайта-Веданта. «Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли ду-

ха, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту» [2]. В процессе чтения я стала заложницей этой мысли и стала думать, необходимо ли преодолевать себя для перехода? Может быть, нужно себя беречь? Человек, по Ницше, должен истерзать себя. А что если он просто больше упадет, а конца не будет? Я вижу в этом моменте лишь смерть, разве она равноценна выходу?

«Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью» [2]. Ницше пишет о состоянии забвения, связанного с чрезмерностью, в котором истончается грань между хорошим и плохим. Подобным же образом в древнеиндийской философии конечной целью человеческого существования является мистическое тождество индивидуального «я» с внеличным Абсолютом. На погребальном огне человек отдает себя полностью, становясь Брахманом [3]. Ницше, в свою очередь, говорит о постепенном появлении сверхчеловека. Одни умирают, появляются новые, однако «старые» способны «выздоровливать», приближая нас к сверхчеловеку.

Он критикует тех, кто пекутся о своем здоровье, тем не менее говорит, что нужно обращаться к телу, чтобы оценить душу. «Но я еще далек от них, и моя мысль не говорит их мыслям. Для людей я еще середина между безумцем и трупом. Я становлюсь серединой, если не смог объяснить. Посмотри на правоверных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника – но это и есть созидатель» [2]. Из цитаты можно вывести, что Ницше рассматривает следующий вариант: не иметь ничего, ни своих ценностей, ни желания научить, чтобы не становиться ненавидимым, либо быть созидателем, но вопреки. В Адвайта-Веданте восприятие жизни (и не только жизни) совсем другое. Причина оказалась бы лишней, так как одно дело просто не иметь ничего, другое дело не иметь ничего для чего-то и становиться никем посредством чего-либо. В этой философии нет как такового

Другого. В какой-то степени подобное напоминает эпикурейский подход.

Он пишет, что можно «тех любить, кто нас презирает, и простирать руку привидению, когда оно собирается пугать нас? Принимать вызов, сгореть полностью. Завоевать себе свободу и священное. Нет даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом. Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения» [2]. Дитя – это сама граница как с избытком, а сверхчеловек это тот, кто не находится нигде, но видит все.

Мы находимся в фазе комфорта и тем не менее являемся наиболее уязвимыми. Мир меняется крайне быстро, и мы попросту за ним не успеваем. К радикальности современного человека также относится то, что он не выдерживает повседневности. Люди больше всего бегут от рутинной работы, речь идет не только про опредмечивание человека путем работы, доведенной до автоматизма, лишенной какой-либо сути для самого рабочего, а про невозможность самостоятельно останавливаться, находить смысл в ежедневных делах. Да и техника, как писал Хайдеггер, пытается притвориться инструментом, хотя на деле таковой уже давно не является, она сама способна превратить человека в ресурс. Она выходит из-под контроля, стирает творчество для нашего глаза, прячет, то есть столкновение с бытием происходит, но мы становимся отодвинутыми от него [4]. Жан-Франсуа Лиотар считал, что функции регулирования отчуждаются от людей и передаются технике. Однако важно то, какую информацию мы ей даем, и эту связующую роль на себя взяла разнородная верхушка, в которую включены крупные предприниматели, представители религиозных конфессий, партий, профсоюзов. Приоритет национальных государств, институтов отошел на второй план, пропало желание «догнать» кого-либо. Люди сконцентрировались на своих задачах, будучи предоставленными самим себе, осознавая, что этого всегда не-

достаточно. Тем не менее даже подобная «самость» играет определенную роль в общественных отношениях. Никто не останется изолированным под влиянием языковых игр. Маленький ребенок, просто существуя, уже может воздействовать на определенные группы своим именем, без своей воли быть соотнесенным с прошлым и оказывать влияние на будущее [5].

Дети изучают слова и то, как их употреблять, посредством языковых игр. Более того, они учатся играть по правилам, учатся коммуникации, восприятию, сопоставлению уже имеющейся информации и новой. Например, девочки и мальчики будут играть в «семью», повторяя ту же модель общения, какую наблюдают у своих родителей. Витгенштейн рассматривал жизнь как языковую игру: бытийный контекст связан с действиями, которые обозначаются словами. Словами можно приказать, спросить, показать свое настроение и прочее [6].

Он предлагает нам такой вариант объяснения самой языковой игры, который является классическим: первый человек указывает на предмет, а второй его называет. Так слово получает имя. Но иногда люди изобретают имя собственное, например, давая клички своим животным.

Языковая игра – это и объект, и субъект. Эта языковая операция точно не может считаться примитивной. Она выполняет крайне важную функцию, без которой в принципе существование языка не кажется реальным. Более того, все игры связаны. Одно и то же имя можно произнести с совершенно разной интонацией, и оно будет нести разный смысл, посыл: утверждение, вопрошание, восклицание и др. Далее, одно и то же слово может быть одинаковым, писаться одинаковым набором букв, но иметь совершенно разные значения при различных контекстах. В этом и заключается языковая игра. Рассмотрим ситуацию, когда одним и тем же словом можно задать вопрос и дать на него ответ. Представим, что отец семейства вечером приходит с работы и видит, как его жена склеивает ручку у разбившейся кружки. Он спрашивает ее: «Коля?», и она, вздыхая, отвечает: «Коля». Так она поняла, что ее муж хотел спросить: «Кто разбил

кружку? Наш сын Коля?»), а он понял, что она сказала: «Да, ее разбил Коля». Основанием этого диалога является стремление языка к экономике.

Также все, что бы ни сказал человек, будет являться перформансом, потому что, пока слово не было произнесено, действие не оглашалось, не утверждалось. Витгенштейн приводил в пример деятельность регистратора бракосочетания или священника, которые говорят: «Объявляю вас мужем и женой» [6]. Данные слова обретают фактический смысл в тот момент, когда становятся произнесенными. Можно привести аналогичный пример с судьей, который оглашает приговор и при этом его утверждает. Или выбрать более повседневный пример, при котором один человек говорит другому: «Я пойду домой пешком». Он также оглашает и утверждает это действие одновременно. Языковая игра входит в жизнь современного человека и является важной ее частью: мыслить можно с помощью языка, а превратить свои мысли в коммуникацию, естественную для социального существа, мы сможем, если просто употребим слова.

В случае с Ницше и Адвайта-Ведантой мы имеем дело с упразднением «человеческой самости», субъектности в пользу единения, предполагающего выход за пределы горизонтали общественного бытия. Витгенштейн, в свою очередь, демонстрирует нам данную горизонталь.

Литература

1. *Ницше Ф.* Сочинения в 2 томах / Ф. Ницше; Т. 1. – М.: «Мысль», 1990. – 833 с.

2. *Ницше Ф.* Сочинения в 2 томах / Ф. Ницше; Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 831 с.

3. Бхагавадгита / перевод с санскрита, исследование и прим. В.С. Семенцова. – М.: Восточная литература, 1999. – 256 с.

4. *Хайдеггер, М.* Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

5. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

6. *Витгенштейн, Л.* Философские работы / Л. Витгенштейн; Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.

УДК 1:304.2

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПЕРЕБОРКА И НЕБЫТИЕ

Мубаракшин Адель Ильдусович,

магистрант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

e-mail: madelb@rambler.ru

г. Казань

Аннотация

Статья обращается к комбинаторному методу Готфрида Лейбница, поскольку автор полагает, что эта концепция пригодна для объяснения стремления современного исследователя к созданию абстрактных формулировок новизны вместо решения задачи получения нового знания. Сравнивая понятие «движение» Лейбница с гегельянским термином «становление», автор приходит к выводу, что одной из причин такой подмены является изгнание понятия «небытия» из современного философского дискурса. Более того, данное понятие выводится и за пределы культурного пространства в целом. В статье рассматривается также постмодернистский метод «символической переборки», который, используя комбинаторику, создает современный аналог лейбницианского «алфавита человеческих мыслей». Метод демонстрирует тотальность символа в современном обществе, вытесняющего традиционную научную задачу получения принципиально нового знания.

Ключевые слова: комбинаторика, новизна, Лейбниц, символ, движение.

SYMBOLIC SORTING AND NON-BEING

Mubarakshin Adel,

Master student,

Kazan (Volga region) Federal University,

Kazan

Abstract

The article turns to Gottfried Leibniz's combinatorial method, since the author believes that this concept is suitable for explaining the modern researcher's desire to create abstract formulations of novelty instead of solving the problem of obtaining new knowledge. Comparing Leibniz's concept of "movement" with the Hegelian term "becoming", the author comes to the conclusion that one of the reasons for such a substitution is the expulsion of the concept of "non-being" from modern philosophical discourse. Moreover, this concept extends beyond the cultural space as a whole. The article also discusses the postmodernist method of "symbolic sorting," which, using combinatorics, creates a modern analogue of Leibnizian "alphabet of human thoughts." The method demonstrates the totality of the symbol in modern society, displacing the traditional scientific task of obtaining fundamentally new knowledge.

Keywords: combinatorics, novelty, Leibniz, symbol, movement.

В науке всегда существовало движение к новому знанию. Признавая современную культуру наукоцентричной, а саму науку мыслительной сеткой всей новейшей эпохи, стоит признать, что запрос на новизну существует и в ней. Но, может быть, это желание новизны как таковой, за которым не стоит классического понимания рациональности? Обдумывая эту мысль в контексте культуры и философии постмодерна с его интуицией повальной вторичности, стоит вспомнить метод приращения нового знания из уже имеющегося неизменного каталога идей.

Рене Декарт и Готфрид Лейбниц развивали идею «алфавита человеческих мыслей», состоящего из полученных с помощью аналитической редукции далее несводимых первичных идей [1]. Эта концепция, предвосхитившая философию XX в., заключает, что, как и слова, мысли состоят из простых конечных слагаемых, которые можно комбинировать согласно общим синтаксическим правилам. Разбором сложных мыслей на составляющие можно получить список простейших и доступных аксиом. Зная подобный алфавит и математическую комбинаторику, можно изобрести нечто совершенно новое эффективным и повторяемым способом. Эти «термины первого класса», как их называл сам Лейбниц, можно представить символьным способом, а значит, составлять с ними логические и математические формулы, а также риторические высказывания.

У такого подхода имеются две главные проблемы: энциклопедическая – сбор всего целокупного человеческого знания в одном месте, и характеристическая – редукция этого знания до простых идей. Молодой Лейбниц наивно полагал, что достаточно собрать большую энциклопедию, чтобы его метод начал работать [2], но нельзя не отметить здесь парадокс. Чтобы собрать все человеческое знание, нужно редуцировать его до простого, и далее подняться наверх до сложных идей, но, чтобы получить простые идеи, надо собрать все человеческое знание и спуститься вниз до простых. Циклический парадокс возникает по той причине, что создание энциклопедии из готового знания было невозможным, что отмечали многие современники Лейбница. Получить же такой подробный и «доказательный» свод будет невозможно без аналитического метода, который, по теории Лейбница, должен быть применен только в последнюю очередь во избежание ошибочных определений простых идей, которые могли бы быть редуцированы дальше.

Кроме этого, возникает пессимистический вывод, что истинно новое знание невозможно, а все уже в скрытом виде находится в данном. Конечное количество простых идей с необходимостью порождает конечное количество сложных идей, поэтому процесс познания

и даже изобретения конечен. Даже Платон не был так пессимистичен, говоря, что в мире идей их количество бесконечно. Значит, анамнезис позволяет сопоставлять бесконечные идеи с дурным, но тоже бесконечным количеством предметов материального мира, поэтому земное знание такое же безграничное, однако, по Платону, бесполезное.

Проблему конечных простых форм решает Георг Гегель. Ключевым понятием для разъяснения этого вопроса является «движение». Движение у Лейбница – это восхождение от «алфавита человеческих мыслей» до сложных лексем [2]. Для Гегеля движение – это становление. Вполне пригодно, как кажется, здесь сравнение с Парменидом: у Лейбница бытие, как совокупность идей, недвижимо. То, что он называет движением, это зеноновская апория, то есть лишь кажимость аналитического сдвига оптики от сложной идеи в целом к простым в частности. Небытия у Парменида и Лейбница не существует, это лишь тривиальная пустота, не содержащая в себе возможности становления или появления чего-то нового [3]. Диалектическое становление у Гегеля позволяет возникнуть бытию из ничто, при этом сохранив в себе это самое ничто. Это значит, что аналитическая редукция будет неспособна отыскать нечто простое в наличном бытии, поскольку не сможет «снять» с него слои снятия. Анализ «не разглядит» в предмете его инобытия, «не достигнется» до простых символов алфавита, его якобы составляющих. Значит, новое знание возможно, и оно пока еще таится в ничто и ждет своего становления. Знание не бесконечно, и заключительным знанием будет самопознание Абсолютной Идеи, но такая картина мыслится более оптимистической, чем лейбницева комбинаторика.

Это рассуждение подталкивает к мысли, что в современных культуре, дискурсе и ментальном состоянии общества правит переборка идей для получения составленных новых, а небытия просто не существует.

Чтобы доказать отсутствие концепции небытия в современном мире, нужно заменить теорию комбинаторики «алфавита человеческих мыслей» на равнозначную ей теорию «символического обмена»

и «символической переборки». Здесь простые идеи по заветам Лейбница превращаются в символы, причем они могут быть сколько угодно вложенными, а усложняясь, превращаться в огромные синкретические химеры. Движения от простого к сложным идеям не существует, любой символ может стать нередуцируемым, если того пожелает дискурсивная установка. И напротив, вокруг простейшего могут начаться подтачивания, как, например, происходит в конспирологии. А поэтому движение сверху вниз, от простого к сложному, превращается в осевое движение вокруг одной точки, словно переборка кубика Рубика. Целью этой переборки является развлечение, ведь давно известно, что реальное знание недостижимо из-за запретов и препятствий в виде устройства мозга, бессознательного, идеологических и политических установок, вечного экономического кризиса, пределов логики, математики и особенностей конкретной религиозной или философской доктрины.

Символы получают не аналитической редукцией энциклопедического знания, символы сами хотят занять место энциклопедии, быть вездесущими. Кажется, что современные акторы отбросили наивную идею создания энциклопедии, и создают «алфавит человеческих мыслей» из сырого материала – своей повседневности и наличности. Цель – обозначить одним знаком весь существующий мир, все бытие. Такое могло произойти только после восторжествования парадигмы Парменида, достигнутое не классической европейской рациональностью, на которую так уповал Эдмунд Гуссерль, а тем, что Макс Хоркхаймер называл инструментальным разумом. Это высказывание идет в противоречие с повальной интуицией прогресса человечества в научной и культурной среде, но какой прогресс может быть без движения и небытия? Можно заключить, что «сотрясение воздуха» терминами прогресса сравнимо с любовным созерцанием Парменидом бытия как идеального недвижимого шара. Изгнание категории небытия из современного философского дискурса не оставляет пространства для движения научной мысли, для поиска действительно нового знания.

Разум из созидающего становится «миксером» идей, единственной целью которого является переборка символов для создания чувства новизны. Все есть коллаж и мозаика, истинно нового знания более не существует, теперь новизна исходит из уникальной компоновки частей этой мозаики, а достичь эту новизну все сложнее и сложнее с каждым разом. Новое знание имеет все более и более случайный характер, а не является итогом целенаправленного исследования или построения теории. Примером тому могут послужить междисциплинарные исследования. Когда вся наука была неразделима, например в античности, у Аристотеля это клеймится в качестве наивных первых шагов человечества. А когда в современности после веков движения к тонкой специализации призывают к междисциплинарности — это или лицемерие, или проявление кризиса, который покрывается методом переборки различных направлений между собой.

Отказ от небытия идет рука об руку с полной имманентизацией, отказом от трансцендентного и бытовым солипсизмом. Тренд набирает экологическое мышление, которое представляет собой осознание того факта, что весь планетарный мусор нельзя подмести «под коврик» небытия, с ним надо что-то делать. Небытие из чистой актуальности превращается в чистейшую неактуальность.

Конкретным проявлением отказа от небытия является страх перед смертью, которая, согласно Жану Бодрийяру, вытесняется из дискурса. Небытие в виде смерти подспудно присутствует во всех процессах и заставляет маскировать себя производством символов [4]. Имитирующая новизну переборка символов, в свою очередь, маскирует отсутствие новизны. Это ярко можно отследить в кинематографии и литературе, которая эксплуатирует одни и те же символы, каждый раз обновляя их, стряхивая пыль с еще мифологических типажей, предоставляя возможность различным поколениям переоткрыть для себя архаичные типажи. Этот вид культурной установки можно назвать «стиранием памяти», когда масса сама требует того, чтобы заново пережить вождевленную новизну.

В заключение стоит сказать, что либо необходимо менять способ отношения к знанию, либо наслаждаться текущим положением вещей. Данная статья сама рискует находиться в парадигме «символической переборки», заново открывая читателю Лейбница, Бодрийяра и Парменида, учитывая новую моду обращаться к досократикам с целью их подгонки под современность.

Литература

1. *Leibniz, G.W.* Dissertation on the art of combinations / G.W. Leibniz; [Electronic resource]. – URL: <https://www.math.ucla.edu/~pak/hidden/papers/Quotes/Leibniz-Arte-Combinatoria.pdf> (date of treatment: 01.10.2023).

2. *Sandro Ciurlia.* Individualismo ed universalismo nel primo Leibniz / Ciurlia Sandro; [Electronic resource]. – URL: <https://core.ac.uk/download/41165985.pdf> (date of treatment: 01.10.2023).

3. *Нуруллин, Р.А.* Диалектика «небытия» / Р.А. Нуруллин // Труды социально-экономического факультета КГТУ: исследования и приоритеты в науке и образовании 2003. В 2-х кн. – Казань: Изд-во КГТУ, 2003. – С. 772–784.

4. *Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; 4-е изд. – М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – 392 с.

УДК 1(091):130(2)

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ МАРКА ФИШЕРА

Мункуев Данзан Этигэлович,

Магистрант,

Томский государственный университет,

e-mail: skipwoods81@gmail.com

г. Томск

Аннотация

В статье исследуется понятие «капиталистический реализм» Марка Фишера. По Фишеру, капиталистический реализм представля-

ет собой присущее XXI в. чувство того, что не существует адекватной альтернативы капитализму. Из-за невозможности представить себе иное будущее, кроме как капиталистическое, культура вынужденно заикливается на образах прошлого столетия. В качестве возможного выхода из капиталистического реализма Фишер предлагает утопический проект «кислотного коммунизма», который призывает к радикальному экспериментальному творчеству как перенахождению иного будущего.

Ключевые слова: капиталистический реализм, Марк Фишер, «конец истории», хонтология, капитализм, кислотный коммунизм.

MARK FISHER'S CAPITALIST REALISM

*Munkuev Danzan,
Master student,
Tomsk State University,
Tomsk*

Abstract

The article explores the concept of “capitalist realism” by Mark Fisher. According to Fisher, capitalist realism represents the inherent feeling of the 21st century that there is no adequate alternative to capitalism. Due to the inability to imagine any future other than a capitalist one, culture is forced to fixate on images from the past century. As a possible way out of capitalist realism, Fisher proposes the utopian project of “acid communism”, which calls for radical experimental creativity as a way to envision a different future.

Keywords: capitalist realism, Mark Fisher, “the end of history”, hauntology, capitalism, acid communism.

В свое время, после распада СССР, «конец истории» Фрэнсиса Фукуямы породил широкий интеллектуальный и общественный резонанс. И хотя только ленивый не ткнул Фукуяму за довольно наив-

ную интерпретацию Гегеля и Кожева, трудно отрицать, что ему удалось схватить настроение времени. Фукуяма сумел задеть общественное сознание за нерв: мысль о том, что история заканчивает движение, вызвала волну беспокойства у все еще людей модерна (несмотря на то, что некоторые уже считали себя людьми, находящимися в постмодерне), привыкших к целенаправленному движению во времени. И пока некоторые интеллектуалы занимались препарированием фукуямовской концепции, часть из них задумалась над перспективами обрисовываемого Фукуямой мира победившего (нео)либерального капитализма. Падение последнего весомого антагониста капитализма в лице коммунистического СССР сделало более очевидным тот факт, что трудно даже представить себе адекватную, реально работающую альтернативу капиталистическому устройству. А если нет иных вариантов, то получается, что Фукуяма в своей основе прав, и рано или поздно история замкнется на самой себе в вечном неолиберальном мире.

Это чувство безальтернативности и отсутствия будущего было очень точно схвачено британским музыкальным критиком и философом Марком Фишером в понятии «капиталистический реализм». По Фишеру? капиталистический реализм – это «широко распространенное ощущение не только того, что капитализм является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему» [1, с. 12]. Это понятие – не неологизм, созданный Фишером, а заимствованное выражение, которое «использовалось в 1960-х одной немецкой поп-группой и Майклом Шадсоном в книге „Реклама: нелегкое искусство убеждения“». Очевидно, в обоих случаях имеет место ироничная отсылка к социалистическому реализму.

Что касается понятия «капиталистический реализм», то оно проистекает из глубин марксистской критики. Образ «конца истории» является значимой темой марксизма с самых его истоков. Однако если сам Маркс и некоторые из его ортодоксальных адептов связывают

завершение хода истории с окончательным переходом к коммунистическому устройству, то для его более критически настроенных последователей «конец истории» уже фактически настал с массовым распространением капитализма. Лежащие в основе капиталистического устройства тотальная рационализация и коммодификация окружающего приводят к подчинению самого времени ритмам капитала. Основным временным мотивом капитализма становится бесконечный цикл самовоспроизведения, поддерживающий его самотождественность. Наглядно пессимистическую версию «конца истории» обрисовали Адорно и Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения»: «Новым в фазе массовой культуры по сравнению с фазой позднелиберальной является исключение новизны как таковой. Колеса машины вращаются на одном и том же месте. Определяя параметры потребления, она выбраковывает в то же время неапробированное в качестве рискованного. Недоверчиво косятся работники кино на любой сценарий, в основе которого не лежит успокоительным для всех образом очередной бестселлер» [2, с. 167]. Действительно, использование уже известных образов прошлого выгодно для производителей, ведь продажа проверенного покупкой продукта существенно уменьшает риски и с большей вероятностью гарантирует стабильную прибыль. Фишер добавляет к этому и то, что в реалиях капитализма и потребителю «выгодно» жить в культуре ретроспекции. Прекаризация труда вследствие развития неолиберальных реформ 1980-х и сопутствующие ей ментальные расстройства в комбинации с распространением и массовой доступностью цифровых медиа приводят к тому, что потребителю в ситуации крайнего дефицита времени, физических и ментальных сил проще воспринимать нечто уже знакомое. Зацикленность капитализма на прошлом с обеих сторон рыночных отношений находит наиболее яркое выражение в массовой культуре, в том, что Фишер именуется хонтологией.

Термин «хонтология» (фр. “hantologie”) был введен в оборот Жаком Деррида в работе 1993 г. «Призраки Маркса». Этот неологизм представляет собой слово-бумажник, состоящее из глагола “hante”,

которое можно перевести как «преследовать», «не давать покоя» (в качестве призрака), и существительного “*ontologie*” – онтология. Хонтология – это деконструктивистский проект гетерогенной онтологии, конституированный призраками и призванный заменить приоритет бытия как логики присутствия. Под призраками Деррида метафорически понимает объективированные образы прошлого. Фишер занимает понятие хонтологии у Деррида, очищая его от мотивов деконструкции, но сохраняя при этом основополагающую метафору призрака. Для него хонтология – это некоторое настроение, дух культуры XXI в., находящейся в непрекращающемся застое, который «скрыт под поверхностным слоем остервенелой тяги к „новизне“, заслонен иллюзией беспрестанного движения» [3, с. 13]. По Фишеру, хонтология является прямым следствием капиталистического реализма: из-за невозможности будущего мы вынуждены вновь и вновь обращаться к призракам, образам прошлого. Хонтологическая культура XXI в. нервно мечется между стремлением воспроизвести тот революционный, модернистский опыт прошлого столетия и невозможностью создать нечто принципиально новое. В этом месте может показаться, что хонтология является просто ностальгией под другой оберткой. Однако Фишер настаивает, что хотя хонтологию и можно рассматривать как одно из проявлений ностальгии, но по факту она выступает в качестве почти естественной реакции на капиталистический реализм: «это не тоска по какому-то определенному периоду, это желание возобновить процессы демократизации и плюрализма» [3, с. 33].

«Легче вообразить конец света, чем конец капитализма». С помощью этой радикальной формулы, которая приписывается не то Жижек, не то Джеймисону, Фишер схватывает тотальность капиталистического реализма. Но неужели действительно нет выхода из тупика капиталистического реализма? Несмотря на склонность к депрессии (Фишер страдал от биполярного расстройства) и постоянное стремление к критике современной культуры, в рассуждениях Фишера всегда присутствует устойчивый оптимизм. Хонтология помимо негативной коннотации имеет позитивный смысл, который связан с революционным по-

тенциалом прошлого. Хонтологической Фишер также называет музыку определенного, как он выражается, скопления музыкантов, среди которых он выделяет, например, The Caretaker, Burial, Филипа Джека, Уильяма Басински, лейблы Ghost Box Records и Mordant Music и многих других. Всех этих артистов объединяет то, что в их творчестве одновременно сочетаются ностальгия и по прошлому, и по будущему (неоностальгия). Для них прошлое является не тем блаженным местом, в котором они хотели бы навсегда остаться, а лишь источником, способом выхода в неизвестное, в неизведанное, в будущее [4]. В их руках и голосах прошлое становится не путами, сковывающими настоящее, а средством освобождения к иному будущему.

Именно в поиске будущего через обращение к прошлому Фишер видел выход из капиталистического реализма, по крайней мере в области популярной культуры. Подобное стремление приводит его к созданию собственного утопического проекта – кислотного коммунизма. Если выбор коммунизма в названии интуитивно понятен и объясняется его оппозиционным положением по отношению к капитализму, то неочевидным остается выбор прилагательного. Как нам поясняет друг и автор одного из лучших текстов про Фишера – Оуэн Хэзерли, «кислотный» отсылает к психоделическим экспериментам The Temptations в альбоме “Psychedelic shack” и в особенности к одноименной песне из этого альбома: «Здесь психоделический опыт подан как место: не просто личный опыт (мрачная обратная сторона которого – наркотический солипсизм песни „Облако номер девять“ той же группы), а нечто общее, калейдоскопическое, кружащее голову и неотвязное, но одновременно ритмическое, несущее в себе импульс движения вперед» [5]. Фишер понимает утопию в смысле Маркузе как творческую, которая находится через радикальное экспериментальное творчество наподобие психоделической музыки.

Как и утопия Маркузе, фишеровский кислотный коммунизм звучит как нечто наивное и оторванное от реальности, однако стоит помнить, что именно вездесущий капиталистический реализм диктует, что можно считать реальным и осуществимым. Возможно, наив-

ное творчество и критика и есть то небольшое, что может быть способно пошатнуть господство чего-то столь гибкого, аморфного и одновременно самотождественного, тотального, как капиталистический реализм? Конечно, можно остаться «реалистами» подобно Нику Ланду и другим акселерационистам, которые, в понимании Фишера, фактически смирились с влиянием всепроникающего капиталистического реализма, действуя согласно принципу: не можешь пересилить – отдайся (возможно, именно поэтому Фишер в свое время ушел из Центра исследований киберкультуры). Я считаю, что радикальные критические проекты, подобные «кислотному коммунизму», ценны не конкретными решениями или теоретической значимостью, а своей этической позицией, духом и стремлением к иному, к невозможному, которые вселяют надежду на лучшее будущее. В связи с этим хотелось бы привести слова из еще одной марксистской утопии – «Негативной диалектики» Адорно: «Познание, жаждущее истины, хочет утопии. Утопия, сознание возможности, держится за конкретное как неискаженное (Unentstellten). Это возможность, она никогда не превратится в непосредственно действительное, не займет место утопии; поэтому внутри существующего неискаженное представляется абстрактным. От несуществующего приходят краски, которые не стираются. Несуществующему служит мышление, сфера наличного бытия, которое, как всегда отрицательное, стремится к несуществующему. Только самая дальняя даль могла стать близкой. Философия – это призма, улавливающая ее краски» [6, с. 81–82]. Едва ли «кислотный коммунизм» может быть реализован в полной мере в реальном мире, но заданный им критический и вдохновляющий импульс способен подтолкнуть нас на, возможно, локальные, но все же перемены. Марк Фишер совершил такую микрореволюцию в том, что всем сердцем любил – в музыке, реанимировав с помощью своего блога k-punk увядающий жанр музыкальной критики: «<...> что вообще привлекало многих в проекте „к-панк“: сами по себе его резкость, иррациональность, яростная энергия и идеологическое постоянство, столь редкие в 2000-е – в эпоху, когда критика скатилась на крайне низкий уровень, выродившись в пиар-яз и идиотское щебетание» [5].

Литература

1. *Фишер, М.* Капиталистический реализм/ М. Фишер\$ пер. с англ. Д. Кралечкина. – Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.
2. *Хоркхаймер, М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хорхаймер, Т. В. Адорно. – М. – СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
3. *Фишер, М.* Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем / М. Фишер. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 256 с.
4. *Хаустов, Д.* There's a Ghost in My House: Музыкальная хонтология Марка Фишера и Саймона Рейнольдса / Д. Хаустов. – URL: <https://spectate.ru/there-is-a-ghost-in-my-house/> (дата обращения 01.09.2023).
5. *Хэзерли, О.* Марк Фишер. От скучной дистопии к кислотному коммунизму / О. Хэзерли. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennuyu_zapas/123_nz_1_2019/article/20858/ (дата обращения 01.09.2023).
6. *Адорно, Т.В.* Негативная диалектика / Т.В. Адорно. – М.: Академический Проект, 2011. – 538 с.

УДК 1:304.2

КОНСПЕКТИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТОДА

Петросов Даниил Максимович,

магистрант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

e-mail: petrosov.danil@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

В статье ставится проблема инструментов исследования метода. Поскольку метод всегда опосредован текстом, в котором излагаются

его результаты, то необходимо сменить предмет исследования, учитывая, что порядок текста не подобен порядку метода. В качестве средства изучения текста мы предлагаем конспектирование в его различных формах, которое позволяет вскрывать разные уровни связи внутри текста, на основе которых можно с разной долей вероятности делать предположения об исходном методе.

Ключевые слова: метод, текст, методология, связи, конспектирование, контекст открытия, контекст оправдания.

NOTE-TAKING AS AN APPROACH TO THE RESEARCH OF THE METHOD

*Petrosov Daniil,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

The article poses the problem of research tools for the method used. Since the method is always mediated by the text in which its results are presented, it is necessary to change the object of research, taking into account that the order of the text is not similar to the order of the method. As a means of studying a text, we offer note-taking in its various forms, which allows us to reveal different levels of relation within the text. Based on this, we can make assumptions about the original method with varying degrees of probability.

Keywords: method, text, methodology, relations, note-taking, context of discovery, context of justification.

В теории метода нет особого инструментария для исследования метода. Ранее мы пришли к выводу, что единственный путь анализа метода лежит через обращение к тексту исследования, поскольку

иного объекта, кроме текста, для исследователя методологии нет¹. Но и текст несет лишь некоторый след методологии, который нужно извлечь. Поэтому мы рассматриваем чтение (можно сказать точнее – процесс чтения) как способ взаимодействия с текстом, в котором осуществляются некоторые методологические процедуры.

В качестве материала для исследования мы использовали работы Маркса и Энгельса о революциях («18 брюмера Луи Бонапарта», «Революция и контрреволюция в Германии», «Гражданская война во Франции»), поскольку они имеют общую тему, схожие предметы и близких по взглядам авторов. Следовательно, там, как мы предполагаем, должны были использоваться похожие методы. Успешным результатом нашего исследования было бы обнаружение общей процедуры исследования революций.

Текст относится к контексту оправдания, который не совпадает с контекстом открытия². Это различие вводит Х. Рейхенбах [1, с. 6–7]: в ходе исследования ученый может не фокусироваться на строгой логичности и последовательности работы, не всегда может дать себе отчет в своих решениях, действует интуитивно. В контексте оправдания идеи перед другими учеными, он, наоборот, должен показать ее обоснованность и строгую последовательность.

Для анализа этих контекстов как структур мы воспользуемся схемой замещения Г.П. Щедровицкого. Он выделял: а) исходные объекты, б) применяемые к ним процедуры, в) знаки как получившийся предмет (результат замещения), г) операции, применяемые к знакам, д) знаки как описания предмета [2, с. 16–17]. Все пять элементов составляют контекст открытия, но только знаки и операции связи между ними входят еще и в контекст оправдания. Связи представлены в двух уровнях: связи содержания и связи формы. Напри-

¹ За исключением тех случаев, когда автор сам пишет о своей методологии, хотя и это лишь вторичная рефлексия. Сам же метод никогда не дан непосредственно.

² Здесь применительно не только различие их как контекстов, но и как этапов. Сначала открытие, потом оправдание.

мер, в работе Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» [3, с. 141] читаем следующее: «В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов*, за господством *жирондистов* следует господство *якобинцев*. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии».

К связям содержания относится последовательность смены правящих партий и их логика (вверх). Это воображаемые связи, которые конструирует сам автор внутри объекта. К связям формы относится последовательность изложения: сначала некоторые факты (как менялись партии), затем их обобщение (революция движется вверх)³. В теории нарратива это называется соответственно *историей* и *дискурсом*. Результатом этапа оправдания является дискурс, а результатом этапа открытия (то есть результатом применения метода) – история. Так как мы хотим выйти на метод исследования, то сфокусируемся на истории/связях содержания. Для этого мы обращаемся к конспектированию как операции, обостряющей внимание к связям в тексте (что отличает его от переписывания). Мы выделяем несколько форм конспектирования:

1. Конспект – пересказ содержания. Необязателен, потому что нужен, чтобы мы лишь познакомились лучше с текстом. Примеры продолжим приводить на цитате выше:

Когда правящие партии ВФР не могли развивать революцию дальше их сменяли более передовые союзники: конституционалисты – жирондисты – якобинцы.

2. Метаконспект – выделяются структурные блоки содержания со связью между ними. Метаконспект этого абзаца будет выглядеть следующим образом:

³ Предполагаем, что именно связи формы регулируются формальной логикой и стремятся к общепринятому представлению об исследовательском тексте.

Хронология смены правящих партий в период ВФР. Логика этой смены.

3. Мета-та-конспект – из предыдущего блока абстрагируется содержание, привязанное к предметности (теперь только предмет № 1, система № 2 и т. д.), с фокусом на связи между элементами. Направление абстракции может отличаться в зависимости от цели исследователя метода⁴. Поскольку мы хотим сравнить между собой 3 работы о революции, то абстрагироваться мы будем от конкретных имен акторов, сохраняя лишь позицию, которую актер занимает в общественно-экономической структуре:

Хронология смены правящих партий в период буржуазной революции. Логика этой смены.

Рассмотрим каждый пункт более подробно.

Метаконспект позволяет выделить частные предметы, которые изучает исследователь внутри объекта. Предметы являются его абстракциями. Это первый след методологии исследования. Второй след относится к процедурам – суждения о предметах. Например, в четвертом (если считать по предметам) блоке «18 брюмера...» Маркс рассматривает историю господства и разложения республиканской фракции буржуазии [3, с. 129–131]. Метаконспект будет выглядеть следующим образом:

История господства и разложения республиканской фракции буржуазии. (а) Ее положение, позиции и классовый состав при Луи-Филиппе. (б) Участие в борьбе против финансовой аристократии.

⁴ Абстрагирование может двигаться в сторону выделения связей формы, т. е. дискурса. Тогда мы абстрагируем позицию элемента в рамках текста. На примере фрагмента «К критике политической экономии знака» Ж. Бодрийера [4, с. 12]: «Анализ социальной логики, которая упорядочивает практику предметов, распределяя их по различным классам или категориям, должен в то же самое время являться критическим анализом идеологии «потребления», которая в настоящее время подкрепляет любую относящуюся к предметам практику». Тогда мета-та-конспект будет выглядеть следующим образом: ввод объекта исследования_1 (практика предметов), для исследования которого вводится метод_2 (анализ социальной логики), который переносит фокус на предмет_1 (социальная логика) и предмет_2 (идеология «потребления»).

(в) Взятие власти после Февраля. (г) Респ. Конституция как результат господства республиканцев.

Получается частный предмет и пучок проблем вокруг него, которые рассматривает исследователь. Если исходить из того, что исследование проблем состоит из операций, то исследование частного предмета – это частная процедура. Соответственно, сумма процедур, исследующих частные предметы, является «большой» процедурой, то есть исследованием в целом. Но есть несколько ограничений, представленных ниже.

(1) Не доказано, что блоки информации в тексте подобны исходным проблемам. На деле возможны 2 варианта получения этой информации: (а) через постановку соответствующих исследовательских проблем, (б) через изучение другой исследовательской проблемы, в ходе которого вскрылась эта информация. Определить, что имело место в конкретном случае.

(2) Неизвестна действительная последовательность операций/процедур между собой. Для удобства изложения автор мог менять блоки местами.

(3) Неизвестны сами операции, с помощью которых проблемы были исследованы.

Подобное чтение позволяет лучше понять связи между предметами и проблемами, которые конструирует сам автор, то есть историю (воображаемое в противовес недостижимому реальному). Например, в «Революции и контрреволюции в Германии» блок про всеобщее восстание [5, с. 97–101]:

Анализ всеобщего восстания. (а) Классовый состав. (б) Интересы-классов участников. (в) Связь поражения с классовым составом.

Энгельс обращается к классовому составу восстания, чтобы объяснить совершенные и несовершенные действия восставших (соблюдается / не соблюдается классовый интерес). И это регулярный ход в работе: устанавливаются устойчивые связи между действиями актора, его классовым составом и соответствующими интересами.

Такой повтор позволяет предположить наличие связи и на уровне метода.

Резюмируя, в ходе подобного изучения текста можно извлечь: а) совокупность частных предметов исследования, б) группы исследовательских проблем/вопросов к этим предметам, в) историю как воображаемые связи предметов и проблем. Под вопросом остаются: г) реальная последовательность процедуры исследования между частными предметами/проблемами, д) операции исследования. Только из регулярного повтора связей можно делать предположения о методе. Чтобы лучше фиксировать этот повтор, нужно перейти к следующему этапу чтения.

Мета-та-конспект представляет собой абстрагирование конкретного смысла с целью получить прототип предмета исследования, что можно обнаружить уже в других объектах. Например, «Тьер» заменяется абстракцией «глава буржуазного правительства». Воображаемые связи здесь становятся топологическими, то есть воспроизводимыми в других объектах.

Мета-та-конспект брошюр Маркса и Энгельса о революциях позволил выявить их общую логику. Выделяются «очевидные» акторы событий, которые становятся предметами частных исследований, где осуществляется дальнейший процесс конструирования реальных абстракций уже марксистской теории. Производится это через рассмотрение классового состава, интересов, позиции и отношения к разным вопросам и другим акторам. Отношения между акторами и их скрытые интересы позволяют установить действительное противоречие, являющееся движущей силой конкретного процесса. Это позволяет объяснять процессы и отдельные события. Частные действия акторов, по возможности, обобщаются до тактик/стратегий.

Но даже здесь установленная последовательность логически следует из марксистской теории, а не выводится из предложенного нами способа изучения. Непреодолимый разрыв между открытием и оправданием сохраняется.

Литература

1. *Reichenbach, H.* Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge [Электронный ресурс] / *H. Reichenbach.* – Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1938. – 419 p. – URL: <https://philarchive.org/rec/REIEAP-2> (дата обращения: 20.09.2023).

2. *Щедровицкий, Г.П.* Проблемы методологии системного исследования / *Г. П. Щедровицкий.* – М.: Знание, 1964. – 48 с.

3. *Маркс, К.* 18 брюмера Луи Бонапарта // *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, изд. 2, т. 8 / *К. Маркс.* – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 115-217.

4. *Бодрийяр, Ж.* К критике политической экономии знака / *Ж. Бодрийяр;* пер. с фр.: *Д. Кралечкин.* – М.: Академический проект, 2007. – 335 с.

5. *Энгельс, Ф.* Революция и контрреволюция в Германии // *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, изд. 2, т. 8 / *Ф. Энгельс.* – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 3–113.

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ ОБЪЕКТЫ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Шакиров Ильнур Ахтамович,

Магистрант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

e-mail: iashakirov@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

В статье описывается роль и значение несуществующих объектов в аналитической философии. Выявлены несколько подходов к анализу несуществующих объектов. Также рассмотрены их функции и изучен вопрос влияния несуществующих объектов на реальность.

Ключевые слова: аналитическая философия, несуществующие объекты.

NON-EXISTENT OBJECTS IN ANALYTICAL PHILOSOPHY

Shakirov Ilnur,

Master Student,

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

The article describes the role and significance of non-existent objects in analytical philosophy. Several approaches to the analysis of non-existent objects have been identified. Their functions are also considered and the issue of the influence of non-existent objects on reality is studied.

Keywords: analytical philosophy, non-existent objects.

В аналитической философии, ориентированной на анализ языка и логических структур, выделяется проблема исследования несуществующих объектов. Однако почему именно этот вопрос стал предметом внимания? Аналитики отвечают на него следующим образом: понимание природы несуществующих объектов проливает свет на ограничения языка и логики [4, с. 290]. Вопросы об идеальных объектах, воображении и природе языка поднимаются и в других философских традициях, включая континентальную. Однако специфика аналитического подхода выражается в стремлении к работе со структурами формальной логики и анализу понятий.

Аналитическая философия уделяет особое внимание вопросам языкового анализа и формальной логики, что отличает ее от континентальной традиции, более ориентированной на философскую герменевтику и феноменологию. Аналитики стремятся к ясности и точности в определении понятий, в то время как континентальные философы в целом подходят к вопросу о понятиях более вольно, признавая ограничения в их использовании.

Аналитический подход предлагает использование формальной логики и анализа понятий для выявления структуры высказываний

о несуществующих объектах [3, с. 270]. Это обеспечивает более точное определение границ между реальными и несуществующими объектами. Кроме того, аналитика уделяет внимание роли языка в формировании представлений о несуществующих объектах, что отличает ее от других традиций.

Что же составляет *differencia specifica* аналитической философии, что отличает ее от континентальной?

Аналитическая философия предоставляет строгий аналитический инструментарий, который способствует ясности и точности в анализе понятий [2, с. 490]. Это обеспечивает возможность разработки формальных систем и логических конструкций для изучения свойств несуществующих объектов, можно даже сказать – в их конструировании. В отличие от континентальной традиции, она стремится к сохранению объективности через использование формальных структур в философском исследовании, а не через поиск референции.

Интересно отметить, что развитие воображения средствами аналитической философии, не требующего непременно коррелирующее с реальностью, может поддерживать идеологию крайнего индивидуализма. Тем не менее стоит отметить, что эта особенность не является неотъемлемой и определяющей частью аналитического подхода в целом и может быть интерпретирована индивидуально различными философами в рамках данной традиции.

Идеология крайнего индивидуализма, которая может ассоциироваться с некоторыми аспектами аналитической философии, проявляется в усилении акцента на индивидуальных мыслях и концепциях. Это может привести к впечатлению, что аналитическая философия подчеркивает изоляцию индивида от общества и реальной среды. Однако следует отметить, что такая интерпретация может быть слишком упрощенной [5, с. 389]. Многие аналитики исследуют социальные и этические аспекты философии, а также стремятся к поиску практических решений для общественных проблем. Аналитический подход, с фокусом на ясности и анализе может служить инструментом для разработки обоснованных и обсуждаемых общественных политик.

Аналитическая философия, несмотря на некоторые ассоциации с индивидуализмом, также предоставляет пространство для обсуждения и анализа коллективных аспектов человеческой жизни. Внимание к точности и аналитическим методам не исключает изучение общественных и социокультурных вопросов. Просто для их решения они используют систему строгих [2, с. 480].

Аналитическая философия может служить мостом между индивидуальным мышлением и общекультурными когнитивными практиками. Например, анализ несуществующих объектов, как описано в исходном тексте, может помочь лучше понять природу наших представлений и форм коммуникации [1, с. 384]. Это имеет значение как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, поскольку наши представления о несуществующих объектах могут оказывать влияние на нашу культуру, ценности и общественные дискуссии.

Итак, аналитическая философия предоставляет богатое поле для исследования как индивидуальных, так и коллективных аспектов человеческой мысли и общества, используя формальные и аналитические методы для более глубокого понимания мира вокруг нас.

Литература

1. *Левин, В.А.* Логика / В.А. Левин. – М.: Проспект, 2018. – 384 с.
2. *Лосев, А.Ф.* Логика / А.Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2018. – С. 480–496.
3. *Щедровицкий, Г.П.* Логика научного исследования / Г.П. Щедровицкий. – М.: Прогресс, 1972. – 272 с.
4. *Зайцев, А.Г.* Введение в теорию языка / А.Г. Зайцев. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 290 с.
5. *Гачев, Г.* Философия языка / Г. Гачев. – М.: Канон+, 2010. – 389 с.

Научное издание

**X САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ:
ПОСТМОДЕРНИЗМ. ПОСТ-КАПИТАЛИЗМ. ПОСТ-ПРАВДА
(МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ)**

**Материалы Международной междисциплинарной
научно-образовательной конференции**

Казань, 17–18 ноября 2023 г.

**X SADYKOV READINGS. MODERNITY:
POSTMODERNISM. POST-CAPITALISM.
POST-TRUTH (UNIOR SECTION)**

**Materials of the International Interdisciplinary
Scientific and Educational Conference**

Kazan, November 17–18, 2023

Компьютерная верстка

Т.В. Уточкиной

Подписано в печать 04.03.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 100 экз. Заказ 137/10

Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)